

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК Орган НКВД СССР СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

№ 21

С приложением „Судебная практика“.

3 Июня 1929 года

Нарушение труддисциплины на промышленных предприятиях.

В настоящий момент перед органами юстиции стоит огромнейшая по своему значению задача по борьбе с нарушениями труддисциплины на промышленных предприятиях.

Правительством даны твердые основные директивы: о расширении продукции до 20%, о снижении себестоимости до 7% и качественном улучшении продукции. Совершенно понятно, что это настолько важные политические директивы, что они должны быть выполнены нашей промышленностью во что бы то ни стало. Но также ясно и то, что указанные задания могут быть выполнены только при исключительном напряжении технических и рабочих сил.

Одним из серьезнейших препятствий к успешному выполнению заданий является все более и более растаптываемая труддисциплина на предприятиях. Нарушение труддисциплины, нарушение внутреннего распорядка промышленных предприятий принимают массовый характер и захватили весь Советский Союз.

Наиболее характерные, наиболее распространенные формы ослабления трудовой дисциплины это—невыход на работу по неуважительным причинам, работа в нетрезвом, а иногда даже в пьяном состоянии, сон на работе, продолжительные неделовые разговоры, невыполнение распоряжений администрации, кражи и проявляющееся кое-где «спецеество».

Так, если мы возьмем данные, бывшие в распоряжении Пленума Совета Съездов государственной промышленности и торговли в СССР, происходившего в Москве 1-го марта с. г., то увидим, что только на одном Коломенском заводе было примерно за год 9.473 взыскания за нарушения труддисциплины, прошедшие через РКК.

Самое распространенное нарушение—это прогулы, на них падает из 9.473 случаев—7.784, далее идет работа в нетрезвом виде—308, небрежное отношение—270, порча станков и инструментов—171, несвоевременная явка—186 и т. д.

Прогулы по неуважительным причинам за прошлый хозяйственный год составляли по Союзу 13 миллионов 96 тысяч рабочих дней, в результате чего недопроизводство продукции государственной промышленности выразилась в 225 млн. руб. (доклад тов. Толстого).

К этой цифре мы должны прибавить прогулы по уважительным причинам, которые также дали за прошлый год 70 миллионов рублей. Сюда необходимо вклю-

чить и колоссальные убытки от огромного количества всякого рода аварий (напр., взрывов котлов и т. д.) с приостановкой работ на предприятиях, в подавляющих случаях происходящие от ослабления трудовой дисциплины. Так, в Нижне-выксунском заводе (Нижегородской губ.) ежедневно прогуливает в среднем 450 человек, отсюда ежедневно 12 тысяч убытка, на Кулибакинском заводе прогуливает 270 ч., в результате за 3 месяца по одному только мартеновскому цеху потеряно 380 тонн металла («Комс. Правда» от 31 марта). На ленинградских фабриках прогулы только за первое полугодие составляют около полумиллиона рабочих дней. Ежедневно не выходят по неуважительным причинам 10—13 тыс. рабочих, в эти цифры не входят прогулы по болезни, из-за выполнения общественных обязанностей и т. д. В результате недопроизводство продукции достигает 10 миллионов рублей («Правда» от 10 января).

Совершенно должно быть ясным, что при таком состоянии трудовой дисциплины на предприятиях, наша промышленность не только не сможет выполнить возложенных за нее исключительных по трудности заданий, но не сумеет даже удержаться на тех хозяйственных позициях, которые закреплены были в прошлом хозяйственном году и что при таком положении нам не разрешить поставленной Партией задачи «догнать и перегнать передовые страны» капитализма.

В чем причина этого явления? Прежде всего, общая причина—пьянство и некультурность, не изжитые еще наследия царского режима. Вторая основная причина это то, что в целом ряде предприятий имеется значительное количество рабочих, непосредственно связанных с крестьянским хозяйством. Есть предприятия, где чисто пролетарский состав является «незначительной прослойкой» (доходя иногда до 20%). Отсюда—«деревенская идеология» со всеми ее отрицательными чертами. Кроме того, в предприятия втянуто, правда, не в таком размере, и городское население, по своему прошлому ничего не имеющее общего с пролетариатом (кустари, даже мелкие торговцы, бывшие советские служащие и т. д.). Основной причиной массовых нарушений труддисциплины, кроме указанных моментов, является текучесть рабочей силы. В среднем оборот ее составляет цифру 2, доходя по отдельным предприятиям даже до 5—6 (т. е. в течение года рабочая сила сменяется 5—6 раз). Это обстоятельство, конечно, также дезорганизует трудовую дисциплину.

Постановление СНК СССР от 7 марта 1929 г. дает твердые директивы по борьбе с нарушениями трудовой дисциплины. НКЮ преподает местам ряд мероприятий по означенному моменту (директивное письмо от 15 марта с. г.). Органы НКЮ, совместно с органами НКТ и с профсоюзными организациями, должны взять самую жесткую линию в борьбе с нарушениями трудовой дисциплины, решительно выбросив наблюдающиеся в настоящее время некоторое примиренчество и погворство всякого рода нарушениям дисциплины рабочими или техническим персоналом. Интересы отдельных лиц в данном вопросе должны уступать интересам всего рабочего класса и эту линию необходимо проводить по всем возникающим и доходящим до суда конфликтам.

Далее: суд и прокуратура должны не только правильно реагировать на действия непосредственных нарушителей трудовой дисциплины, но должны каждый раз ставить перед собой вопрос и о привлечении администрации за допущенное разложение среди рабочей силы на том или другом предприятии, если оно имеет большие размеры и серьезные последствия.

Однако, по имеющимся в НКЮ сведениям, политика органов юстиции на местах, а также других органов, имеющих тесное соприкосновение с нарушениями трудовой дисциплины (особенно трудовая инспекция), бывает зачастую недостаточно выдержанной и решения их направляются в пользу лиц, оставляя которых на предприятиях или в учреждениях нецелесообразно и даже вредно.

Мы приводим на выборку ряд постановлений судов и инспекторов труда в этой области для того, чтобы показать «как не следует делать».

1) На Языковской фабрике Ульяновского округа был уволен валяльный мастер Краснов за целый ряд художеств, в том числе за неоднократный выход на работу в пьяном виде, за порчу сырья и др. материалов, за склоку в цехе и т. п. В прошлом Краснов был осужден за хулиганство, за растрату в кассе взаимопомощи, исключен из партии, увольнялся и ранее за пьянство. Последнее увольнение Краснова было согласовано со всеми организациями. Несмотря на это, суд не только восстановил Краснова, предложив фабрике выплатить ему за прогульное время, но и привлек технического руководителя фабрики по 109 ст. УК, предварительно не вызвав на заседание и не выслушав ни директора фабрики, ни технорука («Э. Ж.» от 27 марта 1929 г.)

2) В Вятской губ. восстановлен судом рабочий, имевший до увольнения два взыскания и последний раз уволенный за кражу бабита. Суд мотивировал свое решение тем, что он украл бабит для своих нужд.

3) В той же Вятской губ. суд восстановил сторожа по охране жел.-дор. мастерских, который судился не более, как 8 раз за кражу, при этом в приговоре указал, что этого сторожа следует не увольнять, а «воспитывать».

Ту же мягкотелость, если не сказать больше, то же примиренчество мы находим и в инспекции труда.

1) Рабочий спал и не заметил, что неладно с электрической дугой, если бы случайно этого не заметил другой рабочий, — цех был бы взорван. Администрация рабочего уволила, РКК санкционировала увольнение, а инспектор труда восстановил: взрыва не произошло, а поэтому извольте восстановить на производстве и оплатить прогульное время.

2) На одной из Егорьевских фабрик рабочий, недовольный переводом его на другую работу, дал директору в ухо. Уволили, согласовали и т. п., а инспектор труда восстановил рабочего, мотивируя происшедшее «психическим состоянием». Этот рабочий при другой стычке с директором сказал: «Если ко мне предъявлять требование — я тебе опять в ухо дам».

Подобный факт в конце разлагает трудовую дисциплину.

3) Инспектор труда восстановил рабочего, избившего другого рабочего, и обязал предприятие заплатить ему за все время прогула, а инженера, который поддерживал увольнение, привлечь к уголовной ответственности за то, что он «удорожил себестоимость продукции» тем, что пришлось оплатить вынужденный прогул рабочему.

Подобных примеров, как со стороны судов, так и со стороны инспекторов труда можно было бы привести значительное количество, но уже и приведенные свидетельствуют об общей неправильно взятой линии: в этих примерах и в других, имеющихся в нашем распоряжении, суд и инспекция труда не укрепляют трудовую дисциплину на предприятиях, а защищая совершенно неосновательные интересы отдельных рабочих — явных нарушителей трудовой дисциплины, наоборот, расшатывают эту дисциплину. Суд решительно должен становиться на сторону рабочего в других случаях, напр., при увольнении его за критику, за рабкорство, в целях протастить за счет его увольнения «своих» людей, и т. д., а не тогда, когда рабочий приносит определенный вред предприятию в момент крайнего подъема сил этого предприятия, в целях увеличения и улучшения продукции.

На ряду с этим наблюдаются и случаи вмешательства в оперативную работу хозяйственных предприятий как со стороны других органов, так и органов юстиции. Для того, чтобы получать мартеповские слитки лучшего качества (первый сорт), необходима холодная плавка. На Надеждинском заводе первая плавка была неудачна. Отлили около 500 п. колоды, затем направили их обратно в печь. Вдруг вмешивается в дело нареледователь, начинается вызов мастеров, их трепка. Мастера после допроса немедленно перешли, вопреки распоряжения директора, на горячую плавку, — в результате рост брака на 3,5% и убыток 15 тыс. рублей. Администрация завода дала письменное распоряжение об увольнении тех мастеров, которые не будут подчиняться требованию директора. Угроза подействовала. Таким образом мастерам пришлось делать выбор между увольнением с завода или уголовным делом. Указав основную линию суда, которую последний должен проводить по борьбе с нарушениями трудовой дисциплины, необходимо остановиться на роли прокуратуры в этой области.

Инспекция труда, как орган дознания, находится под непосредственным надзором и руководством прокуратуры. Однако, отчеты прокуратур о работе их за 1928 г., за малым исключением, говорят о неудовлетворительном руководстве и наблюдении за инспекциями труда, как со стороны следователей, так и со стороны прокуратуры. В виду особой важности трудовых дел, а также борьбы с нарушением трудовой дисциплины прокуратуре надлежит в настоящее время сосредоточить свое внимание на этой области работы, создав, помимо следователей, живую связь с инспекциями труда по надзору за производимыми ими дознаниями. Далее,

необходимо создать больший, чем он имеется до настоящего времени, надзор за делами в трудсесси и за трудовыми делами в нарсудах, где трудсесий нет. Кроме этого, когда сейчас стал прививаться опыт прикрепления лиц прокурорского надзора к промышленным предприятиям, прокуратуре необходимо иметь тесную связь с РКК, участвовать в стенной газете и вообще быть в курсе жизни данного предприятия. Только при правильно взятой линии и при тщательном надзоре органы юстиции смогут оказать влияние на укрепление трудовой дисциплины.

Москва.

А. Дергачев.

Три спорных момента в новом законе о порядке рассмотрения трудовых конфликтов.

Закон 29 августа 1928 г., имеющий колоссальное значение для конфликтной и судебной практики, должен быть твердо и прочно усвоен всеми работниками, сталкивающимися с вопросами трудового права.

В настоящей статье мы не имеем в виду дать исчерпывающий анализ всех спорных моментов. Более того, мы не претендуем на полноту исследования даже некоторых вопросов, которые мы собираемся поставить.

Первый вопрос, на котором, как нам кажется, следовало бы остановиться,—кто и каким образом определяет, выполнила ли трудсесия указания кассационной инстанции при вторичном рассмотрении дела (ст. 57 закона).

В самом деле, трудсесия может принять к исполнению указания кассационной инстанции в смысле тщательного исследования обстоятельств дела, но не сделать из этого соответствующих выводов. Трудсесия может, наконец, вовсе не принять во внимание указаний кассационной инстанции и, вопреки ст. 248 ГПК, вновь вынести прежнее решение. Спрашивается, куда и в каком порядке обратиться стороне для оценки соответствия нового решения трудсесии указаниям кассколлегии.

Нам представляется, что ст. 57 в этом вопросе, к сожалению, совершенно категорична и не дает никаких указаний по поводу дальнейшего направления дела. Разумеется, это совершенно неправильно. Закон имеет целью уничтожение судебной волокиты, но нельзя «уничтожать» волокиту так, чтобы за счет призрачного пресечения ее страдали бы интересы истцов-трудящихся (или ответчиков—государственных хозяйственных органов).

На какой же путь должен стать законодатель? Возможны три положения: а) ст. 57 остается в прежней редакции и с точностью выполняется судебными органами. Право на дальнейшее обжалование ряда вопиюще неверных решений (что особенно возможно в провинциальных судебных органах) механически отсекается во имя борьбы с волокитой. Пойти по этому пути—значит выплеснуть из ванны вместе с водой и ребенка. Мы уже показали выше, что этот путь ни для кого неприемлем; б) сторона, считающая, что второе решение трудсесии совершенно не соответствует указаниям кассационной коллегии, подает новую (вторую) кассационную жалобу. Кассационная колле-

гия оставляет жалобу без рассмотрения, если по ее мнению ее же указания трудсесии безусловно выполнены. Кассационная коллегия рассматривает жалобу, если вопрос о степени выполнения трудсесией ее указаний требует специального обсуждения и, в дальнейшем, либо вновь отменит решение трудсесии, либо оставляет жалобу без последствий, либо, наконец, в соответствии со ст. 56 закона 29/VIII разрешает дело по существу; в) третий путь следующий: трудсесия сама определяет вопрос о соответствии ее вторичного решения указаниям кассационной инстанции и, либо принимает кассационную жалобу, либо отказывает в приеме последней. В этом случае сторона на отказ трудсесии подает частную жалобу в окрсуд.

Как будто бы именно на этот путь стали законодательные органы РСФСР.

Мы не согласны с этим положением, т. к. частная жалоба на отказ трудсесии в приеме кассационной жалобы не может представить кассационной коллегии в полной мере всех обстоятельств, почему именно сторона считает решение трудсесии несоответствующим указаниям кассационной коллегии. Кто именно в трудсесии будет разрешать вопрос о приеме или об отказе в приеме кассационной жалобы—для нас совершенно не ясно.

Мы не сомневаемся, наконец, что частные жалобы по существу превратятся в кассационные жалобы, так как это единственный путь обратить внимание окрсуда на противоречие второго решения трудсесии указаниям кассационной инстанции. Надо назвать вещи своими именами. Конструкция—«жалоба на отказ в приеме жалобы»—искусственна, формальна и нежизненна.

Наше предложение—предоставить право кассационного обжалования всех без исключения решений трудсесии. Короче говоря, мы высказываемся за изменение ст. 57 закона.

Попутно с этим мы хотели бы коснуться вопроса о запрещении обжалования в силу п. «а» ст. 54 закона решений трудсесии по искам (очевидно, заявленным) на сумму, не превышающую месячного заработка трудящегося. Нам кажется, что и здесь кажущийся весьма соблазнительным способ устранения волокиты вряд ли достигнет цели. Волокита не будет изжита. Отдельные группы трудящихся будут приучаться законом к пред'явлению заведомо дутых и рваческих по размеру исков только ради того, чтобы иметь впоследствии возможность кассировать решение суда. Если даже допустить, что трудящиеся действуют вполне добросовестно, то и тогда мы попадаем в безнадежный тупик. Поясним нашу мысль примером: двое рабочих честно пред'являют иск без всякого искусственного преувеличения. Правовые основы претензий одного и другого рабочего аналогичны. Требования первого рабочего превышают его месячный заработок,—требования второго,—меньше его месячного заработка. Предположим, что трудсесия ошиблась и обоим рабочим в иске отказала. Кассационную жалобу в соответствии с ст. 54 подает только первый рабочий. Кассационная коллегия отменяет решение трудсесии и в мотивах определения указывает на правомерность иска. Дело вновь слушается в другом составе трудсесии и иск удовлетворяется. Как добиться другому рабочему удовлетворения его законной претензии? Ведь согласно вступившему в законную силу решению (первому) трудсесии ему в иске отказано! Очевидно, в дело

вмешивается прокуратура. Но ведь уже 4-месячная практика применения закона показала, что прокуратура превращается в кассационную инстанцию. Этот путь неправильный и совершенно недопустимый.

Приведенные нами соображения относительно ст.ст. 54 и 57 говорят о том, что путь, взятый законодателем для устранения волокиты, путь механического отсеечения, неправилен и нецелесообразен. Только непрерывным улучшением качества работы судебных органов можно изжить волокиту. Улучшение же качества должно идти органически, а не путем создания нежизненных норм закона.

Следующий вопрос касается ст. 17 закона 29 августа. Вполне понятно, что пропуск трудящимся срока для предъявления претензии в РКК в значительном большинстве случаев повлечет за собой просьбу к РКК о восстановлении пропущенного срока. Закон разрешает это восстановление в случае уважительности причин пропуска срока. Допустим, что причины вполне уважительны, но административная часть РКК отказывается дать согласие на восстановление срока,—рабочая же часть поддерживает рабочего. Какое направление получит конфликт?

Новое положение о РКК, утвержденное НКТ СССР 12 декабря 1928 г. («Изв. НКТ» № 51—52 за 1928 г.), в ст. 16 перечисляет причины пропуска срока, считающиеся уважительными (пребывание в отпуску, болезнь, пребывание под стражей, в командировке и т. п.).

В отношении причин, прямо не предусмотренных в п.п. а—к ст. 16 положения об РКК, примечание к ст. 16 положения устанавливает жесткое правило: недостижение соглашения сторон в РКК приравнивается к отказу РКК в продлении срока.

ВЦСПС в своем разъяснении от 28 января 1929 г. (не опубликовано) делает из ст. 16 положения об РКК следующий вывод: поскольку положение прямо перечисляет причины пропуска срока, признаваемые уважительными,—при наличии их (очевидно, с удостоверением соответствующими документами), восстановление срока обязательно независимо от согласия сторон. Уклонение сторон (или отказ в рассмотрении со стороны представителя хозоргана в РКК) от рассмотрения конфликта по существу, по мнению ВЦСПС, недопустимо и должно быть обжаловано в орган НКТ. Последний, по мысли ВЦСПС, направляет конфликт для рассмотрения по существу либо в РКК, либо в трудовую сессию.

Все эти выводы, может быть вполне логичные и правильные, теоретически могут быть легко опрокинуты жизнью. Ведь не всегда трудящийся может располагать всеми документами, удостоверяющими уважительность причины пропуска срока. Далее, возможны споры по существу, насколько уважителен пропуск срока. Перечень причин не может быть признан всеобъемлющим и несомненно вызовет ряд толкований.

Наконец, возникает следующий вопрос, в каком качестве и в каком порядке орган НКТ будет разрешать вопрос—нам совершенно непонятно.

Ведь орган НКТ призван: а) наблюдать за законностью решений РКК и в порядке надзора отменять их в надлежащих случаях. В данном случае никакого решения РКК нет, а есть лишь разногласие по вопросу о пропуске срока;

б) организовывать примкамеры и третейские для разрешения споров об установлении новых условий

труда. К разбираемому нами вопросу обе эти функции органов НКТ никакого отношения не имеют. Очевидно, фактически работник отдела труда единолично будет разрешать вопрос о восстановлении срока, при чем,—на каком основании отдел труда сможет заставить хозорган считать срок восстановленным—нам совершенно неясно. Мы полагаем, что точка зрения ВЦСПС неправильна и ни в какой мере не гарантирует правильного разрешения трудовых конфликтов (в частности интересующей).

Юридические работники ленинградских профсоюзов, обсуждая этот вопрос совместно с представителями трудсесии и отдела труда, пришли к следующим выводам: разногласие в РКК по вопросу о восстановлении срока дает право трудящемуся перенести конфликт в трудсессию. Строго говоря, это как-будто бы не соответствует букве закона. Ведь согласно ст. 17 для восстановления срока требуется решение РКК. Коль скоро налицо разногласие, то стало быть, решение отсутствует и, значит, срок не восстановлен. Не нужно скрывать следующего элементарного положения; довольно трудно найти идеалистически-настроенного наемателя, который принял бы во внимание уважительные причины пропуска срока и дал бы согласие на его восстановление. Совершенно очевидно, что в подобных случаях в 99 конфликтах из 100 мы будем иметь разногласия сторон в РКК.

Отсюда выводы,—рабочий, пропустивший по уважительным причинам срок предъявления претензии (а сроки, как известно, закон установил чрезвычайно жесткие), никогда не сможет реализовать своего законного права на то или иное вознаграждение. Ст. 17 закона остается мертвой нормой.

Советское трудовое законодательство знает, правда, весьма относительное, но отчасти аналогичное положение. Согласно п. «в» разъяснения НКТ от 21 мая 1925 г. о порядке применения пункта «д» ст. 47 КЗоТ,—РКК предоставляется право освобождения наемателя от выплаты зарплаты за время ареста трудящегося по делу, не связанному с работой у наемателя,—в случае прекращения дела или оправдательного приговора. Выходило так, что если рабочая часть РКК «заупрямится»,—наематель обязан выплатить зарплату во всех подобных случаях.

Мы знаем, однако, что наша практика пошла по другому пути. Наематель обычно в таких случаях не уплачивает зарплату, и трудящийся, имея на руках протокол РКК о разногласии, предъявляет иск в трудсессию,—последняя же рассматривает спор по существу. Мы усматриваем, может быть и отдаленное, но в сущности значительное сходство между этими двумя вопросами. При разрешении вопроса о порядке направления конфликта в случае разногласия в РКК по вопросу о восстановлении срока возникло лишь одно сомнение побочного характера. Каково движение конфликта после разрешения в трудсесии вопроса о восстановлении срока в положительном смысле. Если конфликт касается претензии, по которой трудящийся имеет право на альтернативное обращение в РКК или в трудсессию,—тогда вопрос ясен. Разрешив вопрос о пропуске срока, трудсесия тут же разрешает конфликт по существу. Нам кажется, что и в случае обязательной подсудности конфликта РКК (ст. 12 закона), было бы целесообразно разрешать его по существу также в трудсесии, без предварительного рассмотрения в РКК. Подобное решение вопроса не соответ-

ветствует точному смыслу ст. 12, но ведь закон-то имеет целью установить простейший порядок рассмотрения трудовых конфликтов. Если в трудсесии разбирать лишь вопрос о пропуске и восстановлении срока, а потом отсылать рабочего согласно ст. 12 опять в РКК, для разбора дела по существу, то это будет вполне законно, но будет явным порождением чистой волокиты. Если администрация не дала в РКК согласия на восстановление срока, то трудно рассчитывать на ее согласие удовлетворить претензию рабочего при рассмотрении спора по существу.

Вот почему мы продолжаем настаивать на необходимости установления одновременного разрешения в трудсесии, как вопроса о восстановлении срока, так и самого конфликта.

Ленинград.

Я. Давидович.

Упрощение гражданского процесса.

(Продолжение) ¹⁾.

II. Ускорение и упрощение процесса прохождения дела в суде первой инстанции и установление предварительной подготовки дела.

В чем основное отличие процесса уголовного от гражданского, основанного на принципе состязательности (наш дореволюционный и нынешний—буржуазных стран)?

В уголовном процессе суд в судебном заседании проверяет уже собранный на предварительном расследовании материал; при чем и органы предварительного расследования и сам суд обязаны по закону проявить максимум инициативы, чтобы выявить все обстоятельства дела и только тогда вынести приговор.

Другое дело в состязательном гражданском процессе: здесь суд, приступая к рассмотрению дела, имеет или одно исковое заявление, или, в лучшем случае, те материалы, которые истец нашел нужным представить. При дальнейшем же исследовании дела суд, не проявляя никакой инициативы, находится всецело «во власти сторон».

Понятно, что такое положение даст богатые возможности к затягиванию процесса и чрезвычайно редко дело заканчивается слушанием в первом заседании суда.

Нет надобности доказывать, что наш гражданский процесс далек от состязательного процесса, достаточно для этого вспомнить ст. 9, 5 и 2 ч. 118 ст. ГПК, однако, если проследить технику прохождения дела в суде, то она ничем не отличается от той, которая присуща состязательному процессу. По нашему ГПК суд приступает к рассмотрению дела, также не имея никакого материала кроме искового заявления, или же имея тот скудный материал, который считал необходимым представить истец.

Но ведь наш суд обязан в своем решении установить не формальную, а материальную истину, поэтому закон обязывает его «всемерно стремиться к выяснению действительных прав и взаимоотношений тяжущихся» (ст. 5 ГПК), при чем суд может сам собирать доказательства (ст. 118 ГПК). Естественно, что почти ни одно дело не может быть заслушано в первом по делу заседании, в первом заседании выясняется,

только какие нужны доказательства для выяснения материальной истины, и суд вынужден откладывать слушание дела и не один раз.

Такое положение создает богатую почву для злоупотребления своим процессуальным положением и затягивания без нужды процесса.

С этим мириться в Советской республике нельзя. Суд гражданский является орудием для защиты интересов государства и трудящихся, поэтому он должен в кратчайший срок дать максимальный эффект, это соответствует и проводимой борьбе с волокитой и бюрократическими извращениями в нашем государственном аппарате. Это вопрос не новый, судебные работники, толкаемые самой жизнью, уже давно подняли вопрос об изменении нашего процесса в этой части, однако прошло два-три года, а «воз и ныне там». Очевидно не для всех еще ясна необходимость покончить с пережитками старого. Правда, за последнее время и теория и практика подошли к этому вопросу, достаточно указать на доклад т. Прушицкого в секции общей теории права и государства Комкадемии «гражданский и уголовный процессы» (журнал «Революция права» № 3 1928 г.), где докладчиком были затронуты вопросы сближения обоих процессов. Практика же циркуляром НКЮ № 192 от 9 ноября 1927 г. («Е. С. Ю.» № 47) попыталась, используя ст. 80 ГПК, установить «предварительное следствие» в гражданском процессе.

Все это, однако, ни больше, ни меньше как попытки и в судебную практику не внесло ничего нового.

Для иллюстрации считаю необходимым привести несколько цифр.

Так, данные выборочного обследования по 425 делам (Москва, Сев.-Кавказ и Нижегородская губ.) показывают, что только 28% дел заслушиваются в первом судебном заседании, на каждое дело приходится 2,2 отложения, а есть дела, которые откладываются по десятку раз.

Продолжительность процесса характеризуется еще следующими данными: по данным за 1927 г. до одного месяца рассматривалось по Московской губ. 17,8% за 1-е полугодие и 36% за 2-е полугодие всех дел, по Ульяновской губ. соответственно 40,20% и 28,7%, по Нижегородской губ.—19,2% и 23,6%.

По выборочному обследованию тех же трех губерний продолжительность производства от момента поступления искового заявления в суд до вынесения первого по делу решения составляет в среднем 137 дней.

Если взять сравнительные данные по Республике за 1927 и 1928 гг., то мы увидим, что после издания НКЮ циркуляра № 192 вопрос хотя и сдвинут с мертвой точки, однако, не на много, перелома в этом вопросе не видно.

Продолжительность производства в судебных отделениях губ., окр. и крайсудов следующая:

		До 1 мес.	До 2 мес.	Свыше 2 мес.
1-е полугодие 1927 г.		21,8%	27,4%	50,8%
2-е »	»	29,1	22,1	48,8
1-е »	1928 »	46,7	22,2	31,1

Таким образом, в 1928 году 50 с лишним процентов всех дел находились в производстве свыше одного месяца, а 31,1%, около 1/3 дел, свыше двух месяцев.

Не лучше обстоит дело и в нарсуде, что видно из следующей таблицы:

¹⁾ См. № 16 «Е. С. Ю.» за 1929 г.

		До 1 мес.	До 2 мес.	Свыше 2 мес.
1-е полугодие 1927 г.		50,4	22,5	27,5
2-е »	»	49,9	22,2	27,9
1-е »	1928 »	68,6	16,0	15,4

К сожалению, мы здесь не имеем более подробных данных, так как показателями в нарсуде должны быть не месяцы, а недели, в особенности в городских участках нарсуда продолжительность производства должна быть максимум 7—10 дней (в этом отношении добился больших успехов Московский губсуд), однако приведенные данные показывают, что еще в 1928 г. 31—32% простых бытовых дел, каковые преимущественно разбираются в нарсуде, находились в производстве свыше одного месяца,—правда, по сравнению с 1927 г. имеется некоторый сдвиг, но это еще далеко не то, что требуется от советского суда.

Эти немногие цифры в достаточной мере характеризуют как долго тянется производство в гражданском суде. В чем же, однако, причины? Данные обследования по 753 делам четырех губерний показывают, что только 21,6% всех причин отложения падает на неявку сторон или свидетелей по делу, а во всем остальном причина отложения дела это необходимость собирания тех или иных доказательств, вызов других участников процесса (соответчиков, третьих лиц и т. д.). Все это подтверждает то положение, что устранение этих явлений должно идти по линии сближения гражданского процесса с уголовным.

Однако, уже сейчас поставить знак равенства между двумя процессами было бы преждевременно, но кое-какие попытки в этом отношении необходимо сейчас сделать, а потом, изучив практику, двинуться по этому пути дальше.

Нам кажется, что первый шаг следует сделать в вопросе предварительного расследования дела, чтобы суд в судебном заседании мог уже рассматривать дело по существу и решить его в первом же заседании.

Как я указывал выше, на этот путь встал НКЮ своим циркуляром в ноябре 1927 г., однако этот циркуляр не мог дать должных результатов, поскольку он не устанавливал до сих пор неизвестного ГПК института «предварительного расследования», а рекомендовал использовать ст. 80 ГПК для предварительной подготовки дела. Помимо того, что этот циркуляр не давал точной регламентации этого порядка, он сам по себе как циркуляр, а не закон, своим содержанием не мог создать соответствующего психологического перелома у судебных работников.

Необходимо изменить закон, вернее издать новый закон, устанавливающий новый институт «предварительное расследование», обязательное по всем делам, с той только разницей по сравнению с уголовным процессом, что это расследование будет производить не специальный следователь, а тот же судья. Здесь может возникнуть вопрос, что незачем огорождать, ибо судья будет делать ту же работу по собиранию доказательств, но под другим наименованием. Однако следует указать, что от того, кто будет это делать, положение не меняется, но зато экономия средств и времени получится несомненно. Дело в том, что судья это должен делать без заседателей, собирая для них, т. е. для решения вместе с ними дела по существу, весь необходимый материал, тем самым дорогостоящие государству заседатели будут работать с большей производительностью, а не «на холостом

ходу». А кроме этого атрибуты судебного заседания требуют и времени и средств гораздо больше, чем для обычных «следовательских занятий» того же судьи.

Итак предварительное расследование дела или предварительная подготовка должна быть обязательной по всем делам, рассматриваемым как в нарсуде, так и в вышестоящих судах, и только по завершении этой подготовки судья вносит дело в судебное заседание для заслушивания по существу.

Из этого жесткого и обязательного правила должно быть допущено исключение, и судья при приеме заявления, признав, что дело настолько просто, или материал, представленный стороной, настолько полон, что не требуется никаких подготовительных действий, может внести дело в судебное заседание без предварительной подготовки.

Исходя из этих соображений, ст. 80 ГПК надо изложить приблизительно в следующей редакции:

«В целях достижения максимальной быстроты в разрешении дела и окончания его рассмотрения в первом же судебном заседании, а также руководствуясь планомерностью работы, судья, принимая исковое заявление, выносит постановление о необходимых мероприятиях по предварительной подготовке дела. В случае же признания предварительной подготовки дела ненужной, судья немедленно назначает дело к слушанию, объявляет об этом присутствующей стороне под расписку».

Каков же должен быть объем предварительной подготовки дела? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо установить прежде всего, в чем должно заключаться судебное заседание.

Последнее должно ограничиться только допросом свидетелей, устными объяснениями экспертов, в случае надобности, и объяснениями сторон.

Все остальное, т. е. собирание письменных доказательств, установление необходимых свидетелей, производство экспертизы, местного осмотра и т. д., а также привлечение других участников процесса (третьих лиц, соответчиков, или соистцов, прокурора) должно производиться единолично судьей в порядке предварительной подготовки дела.

Для этой цели судья может опрашивать истца, подающего заявление, или же вызвать его для этой цели, а в случае надобности может вызвать и ответчика.

Вообще необходимо расширить права единоличного судьи по производству процессуальных действий, что, однако, не следует смешивать с правом единоличного рассмотрения дела; против последнего мы высказываемся категорически, но об этом в другой раз.

Здесь же, повторяю, имеется в виду расширение прав единоличного судьи по производству процессуальных действий, что несомненно вытекает из обязанности предварительной подготовки дела.

Поэтому все действия, предусмотренные ст.ст. 31, 37, 43, 44, 51, 52, 113, 114, 139, 147, 173 ГПК, судья должен иметь право совершать единолично в порядке предварительной подготовки.

Это только первый шаг, первая наметка в этом вопросе, но тем не менее оно должно до минимума сократить откладываемые дела.

Этим, однако, не исчерпываются все предложения, имеющие своей целью упростить процесс в суде первой инстанции, если есть еще целый ряд, казалось бы, мелких вопросов, которые влияют в той или иной мере на процесс и поэтому и они должны быть

устранены. На некоторых из них считаю необходимым остановиться:

1. Копия искового заявления и приложений к нему для других участников процесса. Это требование установлено только для дел, подсудных губсуду (край- и окр-) и Верхсуду, практика, однако, показала, что, с одной стороны, и в этих судах слушаются дела, которые по своей сложности вовсе не требуют копий для другой стороны, во всяком случае можно было бы без них обойтись, с другой стороны—и в парсуде, особенно с расширением его подсудности, разбираются и будут разбираться дела не менее сложные, чем в губсуде. Кроме того в этом вопросе совершенно не учтен социальный момент. Так, одинаково требуется представление копий и с рабочего или безграмотного крестьянина и с члена коллегии защитников, выступающего от имени напмана по его торговым делам.

Такое одинаковое требование к различным социальным слоям в нашем суде совершенно недопустимо, практически же это приводит к тому, что безграмотный или малограмотный рабочий и крестьянин вынуждены обращаться к лицам, могущим эти требования закона выполнить, конечно, не задаром.

Вот почему нам кажется вполне правильным установить такой порядок, чтобы судья, принимающий исковое заявление в Верхсуде, край-, окр- и губсуде, имел бы право освобождать истца от представления копий в зависимости от сложности и характера дела и социального положения сторон.

Наоборот, в парсуде в зависимости от тех же условий судья может обязать истца представить копии искового заявления и приложений к нему для других участников процесса.

2. Несколько слов об экспертизе. Очень часто бывает, что производство экспертизы стоит дороже всей цены иска или же за невозможностью внести аванса на оплату экспертизы за отсутствием средств у стороны, ходатайствовавшей о назначении таковой, суд или по несколько раз откладывает дело или же выносит решение, противоречащее интересам этой стороны.

Поэтому необходимо установить следующий порядок: а) если в составе суда имеются лица, обладающие достаточными познаниями для разъяснения спорного вопроса, суд может вынести решение без назначения экспертизы; б) суд может отказать в назначении экспертизы, если пойдет назначение таковой нецелесообразной и невыгодной с точки зрения соотношения цены иска, и стоимость экспертизы в этих случаях выводится на основании имеющихся в деле других данных; в) исходя из социального и материального положения сторон, суд может возложить взнос необходимых средств на оплату расходов по экспертизе как на обе стороны, так и на одну из сторон, независимо от того, по чьей инициативе экспертиза назначается, и в случае уклонения от вноса этих сумм взыскать их принудительным порядком. Это правило, вернее изъятие из общего правила, не может быть применимо к государственным учреждениям и предприятиям, кооперативным и общественным организациям. Думається, что эти мероприятия дальнейших пояснений не требуют.

3. О свидетелях. По материалам выборочного обследования (Москва, Сев. Кавказ) установлено, что по 81 делу было вызвано 457 свидетелей, явилось 288,

допрошено 203. Эти данные говорят о том, что суды недостаточно внимательно относятся к вопросу о необходимых по делу свидетелях и часто идут на поводу у сторон, нашел же суд возможным заслушать дело, допросив только 45% всех вызванных свидетелей. Если, однако, учесть, что каждое дело имеет в среднем 2,2 отложения, то выходит, что явившиеся 288 свидетелей надо умножить на 2,2 и тогда получится, что по 81 делу являлись и отрывались от работы 633 человека.

При этом следует иметь в виду, что право требовать оплаты цотерянного времени имеют только те, которые не работают по найму. За последними же сохраняется средний заработок по месту работы, а в наших условиях это значит в значительной мере перенести на госучреждения и предприятия стоимость цотерянного рабочего времени.

Все это должно привести к следующим двум положениям: а) хотя предполагается, что с введением института предварительной подготовки дело будет заслушано в первом же заседании суда, тем не менее было бы нежизненно предполагать, что все 100% дел будут заслушаны в первом заседании, какой-то процент отложений все же будет. В этих случаях вызванные в заседание суда свидетели допрашиваются и вторичный их вызов допускается только в исключительных случаях и по особому мотивированному постановлению суда; б) в случае вызова по делу в качестве свидетелей и экспертов рабочих или служащих госучреждений и предприятий или кооперативных и общественных организаций, суд может (но не обязан), исходя из материального и социального положения стороны, против которой постановлено решение, взыскать с нее в пользу указанных учреждений и предприятий или организаций уплаченный этим рабочим и служащим их средний заработок. В случае вызова тех же лиц в нерабочее время, суд может присудить в их пользу как за сверхурочную работу из расчета среднего заработка.

Эти мероприятия должны в значительной мере сократить количество вызываемых свидетелей, сэкономить время у суда и прогулы (законные) на предприятиях. Можно предвидеть одно существенное на первый взгляд возражение по вопросу об отказе во вторичном вызове свидетелей при отложении дела, а именно, что здесь нарушается принцип непосредственности.

На это можно ответить следующим образом, что этот принцип уже не выдерживается самым откладыванием дела, так как при вторичном слушании дела уж во всяком случае нарзаседатели участвуют другие, при чем, как общее правило, при вторичном слушании дела не всегда повторяются все процессуальные действия первого заседания. А главное, этот принцип всегда нарушается при допросе свидетелей по отдельному требованию в случае их проживания вне района суда, разбирающего дело. Следовательно, это возражение отпадает, а польза от предлагаемых мероприятий будет огромная.

4. Борьба с злоупотреблением процессуальными правами. По этому поводу в ГПК имеется прекрасная статья 6, однако существует она только как декларация, на практике статья эта мало применяется, и вовсе не потому, что судьи не желают или не умеют ею пользоваться, а потому, что она больше чем декларация в себе не содержит. Всякие злоупотребления пресекаются судом, гласит ста-

тбя, но как, какими методами неизвестно, практически она ничего не предлагает. Между тем, обследование показало, что очень часто предъявляются иски тогда, когда вовсе спора нет (а ведь в суде разбираются только споры), или иски заявлены явно необоснованные, или методы, к которым прибегают стороны, препятствуют наиболее скорому, простому и правильному разрешению дела. В целях борьбы с этими явлениями необходимо установить правило, по которому суд в праве был бы присудить со стороны, прибегающей к вышеупомянутым методам, в пользу другой стороны вознаграждение за потерянное рабочее время, в размере, не превышающем 5% присужденной суммы. При чем это вознаграждение может быть взыскано даже и со стороны, в пользу которой вынесено решение.

Следует отметить, что по ГПК УССР (ст. 52) установлен штраф в доход государства до 50 руб. за недобросовестное ведение дела сторонами и их представителями. Наша постановка вопроса представляется нам более целесообразной, по этому поводу мы уже имели случай высказаться на страницах «Е.С.Ю.» (см. «Е.С.Ю. 1928 г. № 12»). К этой категории мероприятий следует еще отнести вопрос о борьбе с предъявлением со стороны госорганов, освобожденных от судебных пошлин, явно необоснованных исков или чрезмерно преувеличенных раздутых в своей цене. Для иллюстрации несколько цифр:

В среднем по Москве удовлетворяются только 56,9% суммы заявленного иска, по Донскому округу—64,8%, по делам имущественного найма, где истцами, главным образом, являются госучреждения, в среднем удовлетворяются 43% заявленной суммы (Москва). По данным выборочного обследования по Москве мы имеем следующие характерные данные:

1) иски госучреждений к госучреждениям—удовлетворяются 60,7% заявленной суммы; 2) иски госучреждений к частным лицам—32,4%; 3) иски кооперации к частным лицам—69%; 4) иски кооперации к госучреждениям—34%; 5) иски частных лиц к госучреждениям—61,6%; 6) иски частных лиц к частным лицам—69,6%.

Таким образом, мы видим, что самыми необоснованными исками являются иски госучреждений к частным лицам, наоборот, иски частных лиц к госучреждениям—наиболее обоснованны, и это при самом жестком и критическом подходе со стороны суда. При чем в отдельных случаях дело доходит до курьеза, как например: иск госоргана заявлен на 10.172 руб., присуждено 37 руб., жалоба не подана, МСНХ ищет с арендатора завода 71.046 руб., присуждено 14.112 рублей. К этому следует добавить подачу явно безнадежных кассжалоб.

Борьба с этими явлениями требует ряда мероприятий, главным образом по линии правильной постановки работы юридических отделов госучреждений и предприятий. В суде же должно быть установлено взимание судпошлин хотя бы в уменьшенном размере и это будет одной из реальных мер борьбы с этими явлениями.

В заключение этого раздела я хочу остановиться на технике вынесения решения. Нынешний порядок, установленный ст. 177 ГПК, вызывает много недоразумений. С одной стороны, суды слишком много злоупотребляют ею несмотря на неоднократные циркулярные распоряжения НКЮ, с другой стороны, самый порядок, установленный 177 ст. ГПК, вызывает у на-

селения недоумения и подчас справедливые нарекания.

В самом деле, дело заслушано, а стороны уходят из суда, что называется «не солопо хлебавши», объявление решения откладывается на три дня. При нашем культурном уровне довольно трудно бывает убедить стороны, что в течение трех дней никто не будет влиять на суд при решении дела. Для сторон не важны мотивы, их интересует результат, или, что мы называем, резолютивная часть, уж потом возникает вопрос о мотивах. Кроме того, непонятно, почему по уголовному делу, как бы оно ни было сложно, закон требует вынесения приговора немедленно и не допускает отложения, а другой порядок допускается в гражданском процессе.

Это еще понятно при чисто состязательном процессе, где суду только в судебном заседании, а иногда в последнюю минуту перед уходом в совещательную комнату представляется огромный и сложный материал, поэтому для подготовки к решению требуется много времени. Другое дело у нас, в особенности при предварительной подготовки дела, суд уж не может быть застигнут врасплох.

Поэтому нам представляется целесообразным установить следующий порядок:

Решение выносится немедленно по заслушании дела и только в совершенно исключительных случаях (эти исключительные случаи не должны превращаться в правило, как это теперь имеет место) изготовление мотивированного решения может быть отложено на срок не более трех дней, однако резолютивная часть должна быть объявлена сторонам в том же заседании, в котором дело закончено слушанием.

С. Абрамов.

(Окончание следует).

Москва.

◀ * ▶

К обсуждению проекта Земельного кодекса.

В настоящее время рабочей комиссией отдела землеустройства НКЗ проработан и разослан для обсуждения на местах новый проект ЗК РСФСР. Переработан ЗК под углом зрения постановлений XV Съезда ВКП (б) и в смысле четкости проведения классовой линии является шагом вперед по сравнению с существующей редакцией ЗК. Прежде всего проектом применяются общепринятые группировки по расслоению—бедняк, середняк и кулак, чего в существующем кодексе мы не видели, а на практике постоянно применяли.

Но дело, конечно, не в одном наименовании. Права батраков, пастухов ограждаются с момента зачисления их в состав земобщества; право наделения землей они получают после одногодичного проживания на территории земобщества (28 ст.). Целый раздел (глава 3) посвящен мерам предупреждения чрезмерного изъятия бедняцких и середняцких трудовых земельных хозяйств путем установления норм подробности, устанавливающих тот хозяйственный минимум, при котором двор может существовать и развиваться, как единица семейно-трудового объединения. Широко ограждаются права бедноты и при переделах земли. Беднейшим и маломощным середняцким дворам должны предоставляться при переделе без жеребьевки лучшие по качеству и наиболее удобно-расположенные

участки земли, при чем земли их по отводу должны быть расположены так, чтобы в наибольшей степени способствовать кооперированию и коллективизации этих хозяйств (97 ст.). Такие же правила установлены и при выделе земли бедняцким и маломощным середняцким хозяйствам (116 ст.). Среди других причин досрочного передела указана также необходимость борьбы с кулачеством (102 ст.). В разделе об аренде земли проект предусматривает прежде всего возможные случаи скрываются под видом аренды купли-продажи земли, которая преследуется попрежнему в уголовном порядке; также преследуется попрежнему и субаренда земли (123, 126 ст. ст.). Вовсе запрещается сдача земель в аренду лицам, лишенным избирательных прав по п. п. «а», «б» и «в» 69 ст. Конституции РСФСР, т. е. торговцам в прошлом или в настоящем (119 ст.).

В целях развития производительных сил страны, организации сельского хозяйства на основах социализма и в целях объединения деревенской бедноты для борьбы с капиталом большое внимание в проекте ЗК уделяется обобществленному сектору сельского хозяйства. По степени обобществления средств производства, труда и землепользования колхозы разделяются на коммуны, артели и товарищества (148—151 ст.).

Учредителями колхозов не могут быть лишенцы, в отношении же членов коллективов вводится то ограничение, что ими не могут быть лица, имеющие торговые заведения.

169 ст. проекта перечисляет ряд льгот и привилегий для колхозов по землеустройству, сельхозналогу и кредитам.

Проектом ЗК твердо устанавливается показательное значение совхозов в различных отраслях сельского хозяйства для окружающего крестьянства.

При землеустройстве также твердо и определенно проводится классовая линия. Землеустройство колхозов, совхозов, а также тех землепользователей, которые переходят к формам землепользования, наиболее благоприятствующим кооперированию, коллективизации и поднятию технического уровня сельского хозяйства, производится в первую очередь.

Хутора и отруба в местностях, где это ведет к развитию кулачества, вообще не принимаются к землеустройству, а в остальных случаях землеустраиваются в последнюю очередь, при чем при условии, если хутор или отруб является в данной местности единственно возможной формой землепользования (248 ст.). Колхозам и беднякам при землеустройстве предоставляются наилучшие земли, как по качеству их, так и по расположению; кроме того, землеустройство колхозов, бедняцких и маломощных середняцких хозяйств относится за счет общегосударственных средств. Отдельно 271 ст. ЗК останавливается на общественной подготовке землеустройства, которая должна заключаться в освещении целей и сущности предстоящего землеустройства, пропаганде рациональных систем хозяйств, целесообразности перестройки хозяйств на колхозы, в ознакомлении с льготами и преимуществами, которые должны предоставляться бедняцким и маломощным крестьянским хозяйствам.

Эта подготовка должна проводиться при активном участии бедняцких и середняцких групп населения, а также при участии низовых организаций. Стр. 247 вводится принудительное землеустройство в целях ограничения захватнических стремлений кулаков.

Кроме всего указанного новый проект ЗК, учиты-

вая возможный консерватизм деревни, ставит в определенные рамки права зем. общества, требуя для приговоров земобщества утверждения сельсовета и РИК'а, предоставляя батракам и пастухам права членов земобщества независимо от согласия земобщества и т. д. (28 и 41 ст. ст.).

Указанный проект ЗК вызывает следующие замечания:

В целях борьбы с неустойчивостью землепользования в 41 ст. ЗК полезно было бы установить срок на предъявление исков после утверждения сельсоветами приговоров зем. общества.

В 43 ст. следует уточнить вопрос о средствах земобщества, т. к. при всякого рода взысканиях с земобщества исполняющие то или иное постановление органы наталкиваются на безвыходное положение: или взыскивать противозаконно с отдельных членов земобщества, или возвращать взыскание без исполнения, т. к. у земобщества, как юридического лица, средств большей частью не находится.

Ст. 60, повторяющая 56 ст. Код. зак. о браке, семье и опеке, ставит в очень тяжелые условия женщину, взыскивающую алименты, т. к. отсутствие права принудительного выдела в большинстве случаев делает взыскание алиментов вообще невозможным.

В 58 и др. статьях ЗК как и вообще во всем законодательстве нигде не вырешен вопрос о наследовании в крестьянском дворе (он нашел свое разрешение только в судебной практике), а он требует полного уточнения.

В ст. 76 в виду наличия фиктивных разделов надлежит ввести положение, предоставляющее РИК'ам предъявлять в земкомиссии иски о признании фиктивности раздела с признанием общности хозяйства.

Ст. 144 говорит, что в хозяйствах, пользующихся наемным трудом при условии, если ведение хозяйства не основано на личном труде всех наличных трудоспособных членов хозяйства, должен применяться Кодекс законов и распоряжений об охране и нормировке труда в хозяйствах предпринимательского и кулацкого типа. Такое положение узаконяет отсутствие трудового строя в отдельных случаях землепользования и противоречит 12 и 18 ст. ст. проекта ЗК.

Совершенно непонятным с точки зрения проведения классовой линии является правило 119 ст., на основании которой не допускается сдача земли в аренду не всеми лишенцами, а только лишенцами по п. п. «а», «б» и «в» ст. 69 Конституции РСФСР, т. е. торговцам и лицам, живущим на нетрудовые доходы: также непонятно ограничение права быть членами колхозов только для лиц, имеющих торговые заведения. Разве остальные лишенцы не сыграют своей отрицательной роли в том и другом случае?

Для изжития старой собственнической психологии в отношении земли следует быть более чутким и в терминологии закона, избегая таких выражений, как «ее (стороны «земли», «земли прочих сторон», которые в своем буквальном толковании выражают право собственности на землю (270 ст.).

Еще несколько замечаний против излишней волюнтаризма:

Совершенно излишен 2-недельный срок, предоставляемый ЗК на представление жалоб в высшую инстанцию; вполне достаточно для этой канцелярской процедуры 3 дней (333 ст.).

Второе замечание касается обжалования в порядке

надзора вступивших в законную силу решений райземкомиссий; необходимо по примеру окрсула представить председателям обл. земкомиссий и прокурору право вносить такие дела для отмены решений в обл. земкомиссию.

Подытоживая краткий обзор нового проекта ЗК, следует прийти к выводу, что он является шагом вперед, четко и определенно проводя классовую линию и учитывая классовую борьбу в условиях расслоения деревни. Необходимо только ускорить проведение его через законодательные органы.

И. Калинин.

Повгород.

Ближайшие перспективы работы товарищеских судов.

Полугодовой опыт работы товарищеских судов на московских предприятиях ставит в порядок дня ряд вопросов, касающихся, с одной стороны, расширения этой работы и, с другой стороны, ее упорядочения.

На организационных собраниях, посвященных изобранию товарищеских судов, отдельные товарищи высказывали опасение, что учреждение товарищеских судов на самих предприятиях, делая очень доступной возможность обращения в суд, будет способствовать развитию сутяжничества и повлечет за собой создание ряда дел, которые без товарищеских судов не возникли бы и разрешение которых в товарищеских судах никакой практической пользы не принесет.

Опасение это не оправдалось ни в какой степени. Товарищеские суды не завалены делами. На фабрике Трехгорной мануфактуры, где товарищеский суд был образован по Москве первым еще 19 сентября 1923 г., на возем почти тысяч рабочих и служащих за шесть месяцев работы товарищеским судом было рассмотрено всего только 55 дел. На других предприятиях количество дел, рассмотренных товарищескими судами, еще меньше. При просмотре разрешенных товарищескими судами дел не замечено случаев сутяжничества. Во всяком случае процент обращений по ничтожным поводам в товарищеском суде много ниже такого же процента по делам частного обвинения в общем суде.

Сравнительно незначительное количество обращений в товарищеские суды объясняется именно узостью круга лиц, обслуживаемых товарищескими судами, а также ограничением компетенции товарищеских судов только делами об обидах и оскорблениях.

Оба эти ограничения товарищеские суды на практике вынуждены нарушать. В каждом почти из функционирующих товарищеских судов принимались к производству и рассматривались дела не только об обидах и оскорблениях, возникающих между лицами, работающими в предприятии, при котором учрежден товарищеский суд, как это обусловлено постановлением ВЦИК и СНК о товарищеских судах от 27 августа 1923 г., но и дела об обидах и оскорблениях, нанесенных работающими в предприятии лицами лицам, не работающим в предприятии. Так, был случай обращения в товарищеский суд предприятия врача близкой к предприятию амбулатории за нанесение ему оскорбления рабочим предприятия, был случай жалобы в товарищеский суд заведующего кооперативным магазином на оскорбление, нанесенное ему работающими на предприятии лицами в результате недоразумений из-за

очереди, были и другие случаи обращений посторонних предприятий лиц с жалобами на лиц, работающих в предприятии, где организован товарищеский суд.

С другой стороны, известен ряд случаев, когда конфликты, рассматривавшиеся товарищеским судом, имели место не между работающими на предприятии лицами, а между лицами, живущими в специальных помещениях, отведенных для рабочих данного предприятия. К таким лицам относятся бывшие рабочие, потерявшие связь с предприятием из-за инвалидности, но оставшиеся проживать в рабочих общежитиях, а также члены семей рабочих, проживающие с ними совместно.

Конфликты между этими лицами рассмотрены товарищескими судами совершенно правильно. Постановления товарищеских судов во всех известных нам случаях, когда обвиняемыми являлись лица, не работающие на предприятии, носили предупредительный характер (очевидно, отчасти из-за практической трудности взывания штрафа с подобных лиц), тем не менее достигали своей цели в силу только авторитета, каким пользовались товарищеские суды у судившихся.

Товарищеский суд, например, постановлял поставить перед администрацией предприятия вопрос о выселении склочников и озорников из рабочего жилища, если их поведение не изменится.

Попутно здесь надо отметить, что среди дел, рассмотренных товарищескими судами, весьма высок процент дел, возникших на почве всякого рода жилищных конфликтов, как относящихся по постановлению ВЦИК и СНК от 27/VIII-28 г. к компетенции товарищеских судов, так и не относящихся. Так, напр., товарищескими судами рассматривались дела о загрязнении отдельными жильцами рабочих общежитий мест общего пользования, об отказе участвовать в уборке этих мест, дела о поведении, хотя и не выразившемся в нанесении оскорблений, но причиняющем товарищам, живущим в том же рабочем общежитии, беспокойство (так называемые дела «о невозможности совместного проживания»).

Замечен ряд случаев, когда обращающиеся в суд желали разрешить в товарищеском суде чисто гражданский спор.

На фабрике Трехгорной мануфактуры совещание заседателей товарищеского суда заявило о желательности отнесения к компетенции товарищеского суда разрешения мелких гражданских споров по искам не более до 25 рублей.

Наблюдаются также случаи обращения в товарищеский суд для разрешения чисто бытовых вопросов, не представляющих из себя ни спора о праве гражданского, ни уголовного проступка. Обращения эти вызывались взглядом на товарищеский суд, как на орган всяческой борьбы за оздоровление рабочего быта. Таким органом товарищеский суд по существу, конечно, и должен являться.

Напр., несколько жен рабочих фабрики имени Калинина обратились в суд с просьбой унять мужей, целыми почками играющих в карты в помещении общежития, или группа работниц фабрики имени Петра Алексеева просила воздействовать на работницу, бросающую без присмотра своего ребенка от первого мужа.

Наряду со стремлением товарищеских судов расширить свою подсудность, со стороны парасудов замечено стремление сдать в товарищеские суды возможно больше дел.

Рассматривая вопрос о подсудности товарищеских судов, совещание судебных работников нарсуда Бауманского района постановило считать, что подсудность, установленная для товарищеских судов, «слишком ограничена и не повлияла на разгрузку нарсуда, почему необходимо в дальнейшем ее изменить в сторону расширения, передав для разбора в товарищеских судах бытовые дела, возникающие в общежитиях, заселенных преимущественно рабочими данного завода, привлекая товарищеские суды к определенным общедомовым делам».

Все изложенное говорит за полную своевременность постановки перед законодательными органами вопроса о расширении подведомственности товарищеских судов путем отнесения к их компетенции рассмотрения конфликтов между всеми, имеющими то или иное прикосновение к предприятию, лицами, если хотя бы одна из сторон пожелала передать дело именно в товарищеский суд. Надо также допустить принесение в товарищеские суды при предприятиях или учреждениях от всех желающих заявлений об обидах, нанесенных им лицами, занятыми работой на этих предприятиях или учреждениях.

Кроме того подведомственность товарищеских судов следует расширить отнесением к их компетенции всех вообще конфликтов уголовного, гражданского и чисто бытового характера, за разрешением которых обе стороны согласятся обратиться в суд, при том условии хотя бы одна из них является лицом, работающим на предприятии, при котором организован товарищеский суд.

Придавая большое культурно-воспитательное значение рассмотрению дел именно на предприятии, мы не можем не видеть того, что нужда в работе товарищеских судов значительно больше в местах проживания рабочих, чем на местах работы. Поэтому мы считаем, что необходимо теперь же подумать об организации товарищеских судов для разрешения конфликтов между трудящимися, хотя бы и работающими на разных предприятиях, на местах проживания этих трудящихся. Круг судящихся в таких товарищеских судах можно было бы ограничить членами профсоюзов и членами их семей. К рассмотрению же этих судов следует отнести примерно те же дела, которые рассматриваются в товарищеских судах на предприятиях.

Создание специальных товарищеских судов несомненно послужит делу оздоровления быта трудящихся. Кроме того говорить об этом нас заставляет неблагоприятное положение дел частного обвинения и вообще мелких бытовых дел в нарсуде.

С расширением подсудности нарсуда за счет сужения подсудности губсудов, в нарсуде внимание судей и нарсудателей естественно поглощается наиболее важными, крупными делами, отнесенными теперь к ведению нарсуда, делам же мелким, делам частного обвинения придается все меньше и меньше значения. Эти дела остаются как бы в некотором пренебрежении.

У нашего нарсудьи, заваленного делами по горло, естественно появляется некоторое раздражение, когда судящиеся хотят занять его время рассмотрением кухонных дразг, и всякого рода делами об обидах и потасовках, возникающих на почве жилищной тесноты. У судьи появляется штрафной уклон, желание отбить у судящихся охоту обращаться по пустякам в суд,

стремление, не разобравшись путем в деле, оштрафовать обе стороны, чтобы не занимались склокой да не отнимали у суда времени на рассмотрение их свар и дразг.

Итти на неудовлетворительное разрешение мелких дел частного обвинения нарсуд толкают и соображения режима экономии. Поэтому ходатайства сторон по делам частного обвинения о вызове свидетелей, соединенные с отложением дела, почти всегда судом отклоняются, зачастую даже без отметки в протоколе судебного заседания о заявлении такого ходатайства. При рассмотрении дел в кассационной инстанции почти всегда сторона, осужденная по делу частного обвинения, делает стереотипное заявление: «Оскорбленный, побоев я не наносил (не наносила), показания свидетелей были ложны».

Такого рода заявления либо остаются без всякого ответа, либо жалобщик получает разъяснение, что оценка свидетельских показаний принадлежит суду первой инстанции, что вопрос о правдивости показаний относится к существу дела, а рассмотрением дела по существу кассационная инстанция не занимается.

Если при рассмотрении гражданских споров кассационная инстанция не придерживается этого строго формального правила, и зачастую проверяет решения нарсуда с точки зрения именно существа, то по мелким уголовным делам, по делам частного обвинения строго господствует этот формальный подход.

Между тем, заявления о ложности свидетельских показаний по делам частного обвинения нередко соответствуют действительности. По практике партийных органов, административно-правовых секций и профсоюзных организаций известно, что при расследовании на месте весьма часто выясняется картина противоположная рисуемой на суде одним или двумя случайными свидетелями, указанными жалобщиками. А больше двух свидетелей, а иногда и одного суд старается не вызывать по тем же соображениям режима экономии.

Все эти отрицательные стороны процесса по делам частного обвинения в нарсуде полностью отпадут в суде товарищеском, организованном непосредственно в месте проживания значительных групп трудящихся: при укрупненных жилтовариществах, домовых трестах, крупных домах, закрепленных за учреждениями, и т. п.

Рассмотрение дел в таком товарищеском суде всегда будет проходить во внеслужебное время. Вызов свидетелей в товарищеский суд не будет сопряжен ни с какими трудностями или расходами, т. к. свидетели в большинстве случаев будут жить здесь же, где будет заседать суд.

Дача ложных показаний в товарищеском суде будет затруднена тем, что суд состоит из лиц, живущих в этом же доме, да и проверка показаний свидетелей вызовом дополнительных свидетелей и производством местного осмотра, и т. п. не будет вызывать никаких затруднений.

Переходя к обсуждению тех мероприятий, которые следует провести с целью упорядочения работы уже существующих товарищеских судов, надо, прежде всего, остановиться на необходимости издания специальной инструкции по работе товарищеских судов, а также на проведении живого инструктирования. При этом нужно уделить особое внимание указаниям, что

рассмотрение дел в товарищеском суде должно быть лишено всякого формализма.

Нужно добиться того, чтобы товарищеский суд, вынося свои постановления по отдельным делам, во всех случаях стремился выявить соответствующее отношение, как к отрицательным сторонам рассматриваемых бытовых явлений, так и к положительным сторонам быта, замеченным судом.

Товарищеские суды должны твердо усвоить, что при вынесении своих постановлений они должны оказывать на виновного культурно-воспитательное воздействие, почему постановления товарищеского суда должны быть совершенно лишены штрафного уклона.

При назначении в виде меры взыскания штрафа товарищеские суды должны учитывать бесцельность приеуждения к мелким штрафам высокооплачиваемых категорий служащих и рабочих, для которых уплата штрафа в несколько рублей может оказаться менее чувствительным взысканием, чем, например, объявление порицания с опубликованием в печати. Поэтому в тех случаях, когда товарищеские суды придут к выводу о целесообразности избрания в виде меры взыскания штрафа по отношению к высокооплачиваемому рабочему или служащему, суду следует поставить вопрос о присоединении к штрафу и иной меры товарищеского воздействия в виде выговора или порицания.

С другой стороны, налагая штрафы на товарищей, относящихся к низкооплачиваемым категориям, товарищеские суды должны заботиться о том, чтобы размер наложенного штрафа не оказывался чрезмерным, налагающим непосильную тяготу на данного осужденного и вызывающим у него напрасное озлобление (например, штраф в десять рублей с рабочего, имеющего 30—40-рублевый месячный заработок).

Товарищеские суды должны усвоить, что при разрешении дел они не могут исходить только из формальных признаков наличия в действиях обвиняемого запрещенных уголовным законом проступков, поэтому, если товарищеский суд придет к убеждению, что обвиняемый совершил поступок, являющийся по форме обидным для потерпевшего (жалобщика), но по существу этот поступок был вызван недопустимым поведением потерпевшего (например, кто-то обругал другого за жестокое обращение с животными, или за циничную грязную шутку, или антисемитскую выходку и т. п.)—товарищеский суд не должен налагать взыскания на обидчика. Во всяком случае в своем постановлении товарищеский суд должен с полной определенностью дать оценку поведению потерпевшего и жалобщика.

Равным образом, придя к заключению, что проступок, совершенный тем или иным обвиняемым, был вызван таким же или более тяжким проступком со стороны потерпевшего, товарищеские суды не должны принимать по отношению к такому обвиняемому никаких мер воздействия.

Товарищеские суды должны широко пользоваться, как мерой воздействия, предупреждением.

В то же время некоторые споры лучше всего покончить примирением сторон; в этих случаях товарищеский суд должен использовать все способы приведения к примирению конфликтующих и, в случае успеха, прекратить дело за примирением сторон.

Председатель товарищеского суда и заседатели должны всячески стремиться к разъяснению спорящих их обоюдных ошибок, невозможности наложения

нормальных товарищеских отношений без известной доли взаимной уступчивости и т. д.

С другой стороны, в тех случаях, когда товарищеский суд придет к заключению о серьезности совершенных одним или обоими судящимися поступков, он может отказать в прекращении дела за примирением сторон.

Все приведенные нами положения должны быть развиты в специальной инструкции.

Помимо издания инструкции для товарищеских судов необходимо постоянное живое инструктирование и наблюдение за их работой.

Вполне разделяя, как правило, принцип окончательности постановлений товарищеского суда, мы считаем, что при отсутствии наблюдения и преподавания общих указаний, мы рискуем не иметь единой, общей правильной линии в работе всех вообще товарищеских судов.

В то же время можно ожидать, что при проведении работы по наблюдению и выравниванию линии товарищеских судов, особенно на первых порах, может явиться необходимость пересмотра отдельных дел, разрешенных с особенно резким нарушением принципиальной линии, обязательной для товарищеских судов.

Вопрос о необходимости такого пересмотра, по нашему мнению, подлежал бы разрешению в особой комиссии, образуемой при губернском суде с непременным участием представителей профсоюзных органов.

Необходимость выравнивания в отдельных случаях линии, проводимой товарищескими судами, признается видимо и прокуратурой, так как за короткий промежуток времени, в который функционируют товарищеские суды, уже известен случай отмены прокуратурой постановления товарищеского суда с предложением пересмотреть дело вновь. Имел место и случай, когда прокуратурой, с явным нарушением 12 и 13 ст. ст. постановления о товарищеских судах, был сложен штраф с одного из служащих товарищеским судом на фабрике Трехгорной мануфактуры и уменьшен на половину штраф, наложенный на другого осужденного этим судом.

Нам кажется, что поскольку надобность в мероприятиях по выравниванию общей линии товарищеских судов имеется, следует, чтобы мероприятия эти проводились в плановом порядке, а не от случая к случаю, по жалобам, поступающим в районную или уездную прокуратуру.

Проведение этих мероприятий должно производиться не иначе, как по согласованию или при участии представителей профсоюзных органов, вмешательство же прокуратуры в работу товарищеских судов должно быть строго ограничено случаями, когда товарищеский суд принял к своему рассмотрению дело, неподлежащее его ведению, или применил меру, которую он налагать не вправе, как это и предусмотрено ст. 13 вышеуказанного постановления ВЦИК и СНК.

Работник профконсультации *Вл. Островский*.
Москва.

После реорганизации всегогонского нарсуда

В августе месяце прошлого года губсудом был снят с работы и отдан под суд за дискредитирование власти нарсудья 5-го района Ромодановский.

В феврале месяце суд в Москве приговорил Ромо-

дановского к двум годам лишения свободы и с поражением в правах сроком на пять лет.

В связи с этим губсудом и была произведена генеральная ревизия всей деятельности нарсуда, которой обнаружена, надо сказать, неутешительная картина.

Искавление классовой линии.

Ревизией выявлены недопустимые случаи искажения классовой линии по уголовным делам, тенденция к оправданию кулацкого элемента, прекращение дел в отношении торговцев, а также и послабление в назначении наказания кулакам и торговцам. Чтобы не быть голословным, приводим примеры:

Крупный кулак Беляев, лишенный избирательных прав, имеет 3 дома, 2 лошади, 5 коров, не уплатил сельхозналог по случаю «отсутствия» средств. Суд не нашел в его действиях состава преступления и дело производством прекратил, мотивируя тем, что в действиях Беляева отсутствует злостность, тогда как по материалам дела видно, что Беляев в прошлом году платил налог «после особого предложения».

Второй не менее характерный случай с кулаками Кузнецовыми, которые содержат 4 мельницы (из них две собственные, две арендованные) имеют 2 дома, 4 лошади, 6 коров, кузницу, эксплуатируют ежегодно до 10 человек рабочих. Они укрыли от обложения доход с двух мельниц в сумме 3.000 рублей с каждой.

Нарсуд это дело для вида «прекратил» и сдал в архив, но на самом деле оно не прекращено и постановления суда о прекращении его в деле не имеется.

Граждане дер. Гузеево, организованным способом, по взаимному между собою соглашению, укрыли от обложения 54 коровы и 9 лошадей, чем сократили объемы обложения в своей деревне на 1.701 рубль, несмотря на то, что данная деревня состоит преимущественно из кулацкой зажиточной части. Судья девять месяцев мариновал это дело, а затем также сдал в архив.

Во власти торговцев.

Купная торговка села Лукина Власова содержала маслодельный завод с наемной рабочей силой и, имея торговлю, эксплуатировала наемную рабочую силу. Пользуясь тем, что как она и ее муж находятся в

приятельских отношениях с нарсудьей Ромодановским, который часто на квартире Власовых с секретарем суда Волковым устраивали пьянки и «кредитовались» в лавке у Власовых, она систематически и грубо нарушала трудовое законодательство. И на самом деле, суд за это преступление Власову приговорил к 15 р. штрафу, другими словами сказать, осудил для вида.

Свой своему по «неволе друг».

Особенную симпатию питал Ромодановский к шинкарям и самогонщикам, которых суд никак не хотел судить по всей строгости закона, а, «сочувствуя» их незавидной участи, применял к ним самые мягкие виды наказаний: или условно, или штраф, не свыше 5 рублей.

А знаменитую самогонщицу и шинкарку Голубкову после неоднократной судимости приговорил к одному месяцу лишения свободы, но боясь, что в то время, когда бывает закрыт Госспирт, может и сам лишиться вина, поставщицей которого была постоянно Голубкова, судья, даже без всякой просьбы последней, отсрочивает приведение приговора на неопределенное время, причем приговор и сейчас числится неисполненным.

Судили не за преступления, а по физиономиям.

Меры социальной защиты судом назначались не в соответствии с совершенным преступлением, так например:

Барышника Жукова, укравшего у крестьянина лошадь, суд приговаривает к трем месяцам принудработ.

Зажиточных крестьян—Камлева и Рабчинкова—за неуплату сельхозналога в сумме 18 и 28 рублей, вместо двойного размера платежей, суд подвергнул штрафу в размере 3 и 5 рублей.

Кулаки и подкулачники Соколов, Жуков и другие, желая сорвать отчетный доклад ВИК'а, пришли на собрание, где затеяли бузу, и кричали: «долой власть, нам нужна другая революция, надо варфоломеевскую ночь» и т. п.

Суд, несмотря на грубый цинизм и на паглость кулаков, отнесся к ним очень снисходительно. Пригово-

Борьба с кабальными сделками и ростовщичеством в Джавахетии.

Джавахетией называется Ахалкалакский уезд, который находится в Республике Грузия. Страна не раз подвергалась нападению турок и только при Соввласти оправилась и стала жить в мире и спокойствии. Разоренное крестьянство стало восстанавливать свои хозяйства, но оно росло неравномерно. Одни восстанавливали свои хозяйства быстро, благодаря различным обстоятельствам, в большинстве случаев с помощью золота, спрятанного на черный день. Такие крестьяне стали зажиточными, другим же судьба не улыбнулась, хозяйство их оставалось невозстановленным и их приходилось часто обращаться за помощью к своему зажиточному соседу, сосед же не скупится и помогает чем может, потом же забирает за оказанную помощь или продуктами или деньгами, а если нет продуктов или денег—не гнушается и личным трудом. Скажем для примера, семья батрака в середине суровой зимы осталась без хлеба и топлива, и вот на сцену появляется благотворитель в виде зажиточного крестьянина, который дает согнувшемуся в три погибели бедняку и

хлеб и топливо, но во время разгара полевых работ что стоит бедняку помочь своему зажиточному соседу и поработать в счет расплаты долга дней 15—20, правда оно немного превышает цену стоимости долга, примерно на 300—400%, но что с того, ведь он добряк оказал бедняку помощь в самую тяжелую пору, за это стоит и спасибо сказать доброму соседу.

Таких добрых дел немало делалось в нашем уезде, но их тщательным образом скрывали от глаз советского правосудия, долго такие дела оставались нераскрытыми и добрый сосед богател за счет тех, кто еще находился в когтях суровой нужды.

Судебные работники Ахалкалакского уезда заострили свое оружие против существующих кабальных сделок и ростовщичества. Однако, все эти сделки долгое время находились под шапкой-невидимкой. Судработники стали совещаться и искать способ выявления этих сделок, и вот решили, во-первых, провести широкую кампанию по разъяснению крестьянам сущности кабальных сделок и ростовщичества, и пошли по всем селениям члены агитпропбюро делать доклады по этому вопросу. В 35 селах были сделаны доклады. После этого призвали на помощь советскую общественность деревни, труда положили немало, и с нетерпением ждали всходов. Некоторые пессимисты

рил к лишению свободы на срок от 3 до 4 месяцев, а затем предоставил им отсрочки и в конце заменил принудительными работами, а приговор до сего времени не приведен в исполнение.

Прекращались дела без всякого основания.

Крупный земельный собственник, содержатель маслодельного завода, с наемной рабочей силой и имеющий кулацкое хозяйство—Юрченков, открыл свое производство без санкции инспекции труда и технической инспекции, где производил наем рабочей силы без договора. Несмотря на полную очевидность виновности, судья это дело зачислил в число прекращенных, но на самом деле оно лежит в архиве суда не прекращенное.

Муж и жена Голубковы систематически издевались и избивали своего несовершеннолетнего ребенка, суд также «не нашел» в их действиях уголовного преступления и дело прекратил.

41 домохозяев из деревни Туюхово организованным способом укрыли от обложения коров и лошадей, суд это дело тянул один год и одиннадцать месяцев, а затем его производством прекратил.

Имело ли батрачество должную защиту в суде?

Несмотря на открытую и наглую эксплуатацию торговцами и кулачеством бедняцкой и батрацкой части, защита их интересов в Лукинской волости хромает. Судья никакой работы среди бедноты и батрачества не вел.

Волкрестком и волбатрачком также видимо этим вопросом не занимались, потому что не было ни одного случая, чтобы представители последних выступали в суде по делам бедняков и батраков в защиту их интересов. Такое положение и заставляло батраков вступать в явно невыгодные для них сделки.

Например, батрак предъявил иск о зарплате на 127 рублей, а в суде его, с позволения суда, кулак склонил согласиться на получение только пяти рублей и то в рассрочку, а суд «по мировой» это дело прекратил.

Алиментные дела.

Нарсуд прекращал дела по искам батрачек и беднячек на содержание детей, без всякого основания и

проверки, например: дело по иску гр-ки Шеликовой, Акулины, с Сахарова алиментов, суд прекратил без всякого основания; по иску Семеновой с Проскурякова суд утвердил явно невыгодную для истицы и ребенка сделку и дело производством прекратил.

Цветник волокиты и бюрократизма.

Приостанавливались дела нарсудей без всякого основания и необходимости в этом и мариновались по два, по три года и больше. В «исторической» папке, например, такие дела:

служащие концессии «Мологолес» предъявили 8 мая 1927 г. иск за переработку. Суд четыре раза неосновательно откладывал это дело, а затем с 18 окт. 1928 г. оно лежит без движения в папке «приостановленных». А вот второе волокитное дело:

у гражданки Бедняковой в апреле 1926 г. было украдено 70 пудов сена. В краже его обвиняются пекто Казпак и Охотников. Дело в суд поступило 5 июня 1926 г. и пролежало без движения до сентября месяца, а затем было отложено за неявкой подсудимых. Второй раз дело 26 октября 1926 г. также откладывается за неявкой свидетелей, а затем лежит в суде 17 месяцев без всякого движения, а 19 марта его снова откладывают для представления адреса лиц, у кого Беднякова покупала сено. После этого дело уже не назначалось к слушанию ни разу, несмотря на настойчивое требование Бедняковой.

Безобразное отношение суда к делу бедняка Воробьева, который искал 15 рублей со своего соседа.

Дело с 29 июля 1926 г. три раза откладывалось без всяких оснований, а затем было приостановлено за смертью Воробьева и, несмотря на требования жены покойного, делу не дается никакого движения.

Подобных примеров можно привести еще немало, но и приведенных, думается, достаточно.

Тесная связь судьи с секретарем.

Судья Ромодановский и секретарь Волков настолько «сжились» друг с другом, что ни одного «действия» без коллективного обсуждения не делали. Волков заведывал финансовой частью Нарсуда—получал различного рода сборы с гр-н и их не приходовал, в ре-

боялись неурожая, но ошиблись—надежды оправдались, и за короткое время шапка-невидимка была снята. Главным образом помогли селькоры, избачи и батрацкомы.

От 15 января до 5 марта с. г. перед судом предстало более 15 ростовщиков. По всем этим делам устраивались показательные процессы на местах совершения преступления и не один из них зашагал, глубоко вздыхая, по дороге в исправительный дом.

Привожу некоторые факты ростовщичества:

Крестьянин сел. Варцеб страшно нуждался в хлебе и знал, что в сел. Хертивсе кулак Бадалов поможет ему зерном, тот не отказался и отдал три пуда ячменя, но взял обещание сдать ему в аренду за эту сумму всю имеющуюся у него посевную площадь размером в 3½ дес. земли. В нашем уезде за аренду одной десятины земли платят от 10 до 15 пудов зерна.

Другой пример: бедняк сел. Пога Ованес Алвандянц Мисаак Саакянц и др. обратились к сельскому кулаку Куркянцу за помощью, он им не отказал. Каждому из них он дал по 6 пудов ячменя, но взял обещание, что за это он получит от каждого по возу сена, что и получил. Воз сена весит 60 пуд. Пуд ячменя по нашему уезду стоит 1 руб.; сено 50 коп., т.е. за 6 руб. кулак получил от каждого в течение двух мес. 30 руб. прибыли.

Третий пример: бывший помещик Степанян из сел. Хандо отдал своему односельчанину 7 пудов ячменя и взял с него обещание во время полевых работ отработать последнему 25 дней, что и было выполнено. 7 пудов ячменя стоят 7 руб., а 25 дней—50 руб.

Четвертый пример: сельский торговец Гамбаров из сел. Гоман отдавал деньги ряду крестьян, но брал обещание, что весь имеющийся у них сыр они будут продавать только ему по цене 6 руб. за пуд, тогда как пуд сыру по уезду стоит 15—17 руб. за пуд.

Пятый пример: Амбарян—торговец—во время посевов отпускает на посев зерно и во время сбора за каждые 5 пудов взysкивает от 15—20 пуд. Таких вопиющих примеров много, перечислять их здесь не стану, но все кулаки получили по заслугам. Судебные органы делают свое дело, советская общественность идет им на помощь, дела эти выявляются успешно, но этого мало для изжития таких явлений. В деле окончательного освобождения бедняков от кабалы и от рук хищного ростовщика решающую роль должны сыграть кредитное товарищество и крестком.

Прокурор Ахалкалакского уезда С. Варназов.

Г. Ахалкалак.

зультате чего и образовалась расстрата в сумме 91 р. 54 коп.

Если, бывало, скажет кто-либо из сотрудников судьи, что нужно заприходовать деньги, то они в один голос ответят: «это дело не ваше, у нас свои расчеты». И действительно после заятий оставались «рассчитываться», а на другой день с похмелья жалуются «на головную боль».

Такое «руководство» со стороны судьи канцелярией и привело к тому, что дела не заводились по нескольку месяцев, а заведенные дела не назначались к слушанию в течение трех и более месяцев.

Если нужно получить отсрочку или рассрочку в приведении приговора, иди к секретарю Волкову—он все сделает. Так рассуждают крестьяне. И действительно, нами обнаружены случаи явного нарушения закона. Секретарь суда Волков выносил от имени суда постановления об отсрочке приговора, им выносились даже и дополнительные решения, которые он давал затем судье и заседателям подписывать. Не только отсрочки по приговорам давал секретарь, но и дела самостоятельно прекращал. Заготовит заблаговременно постановление суда, а затем и подсушет его в общей массе на подпись нарзаседателям.

А то бывали и такие случаи, когда секретарь, пользуясь юридической неграмотностью и неопытностью нарзаседателей, давал им для подписи чистый бланк бумаги, где они подписывались, а уже текст заполнялся по усмотрению секретаря.

Как исполнялись судебные приговоры?

Наблюдения за обращением приговоров к исполнению со стороны судьи не велось, в виду чего приговоры обращались к исполнению через полгода и больше после его вынесения, а ряд приговоров совершенно не обращался к исполнению.

Приговор в отношении Лукинского торговца Смирнова, приговоренного к 2.500 руб. штрафа с октября месяца, числится неисполненным. Тоже и в отношении кулака Юрченкова, приговоренного к 1000 руб., с декабря месяца не исполняется.

Таинственная связь судьи с защитником.

При нарсуде 5-го района была прикреплена член коллегии защитников Мария Базанова, между ней и судьей завязалась такая тесная связь, что нарсудья Ромодановский развелся с женой и женился на Базановой. В то время суд был «скор» «справедлив» и «милостив». Крестьяне по этому поводу говорили: «если не хочешь быть осужденным—иди к «защитнице» Базановой, ведь она жена самого судьи».

Позднее Базанова была переведена в село Кесьму в другой нарсуд, но вести дела продолжала и в Лукинской волости.

Как это все случилось?

Судья Ромодановский занял должность в поябре месяце 1927 г. В начале он добросовестно исполнял свои обязанности, а затем начал постепенно разлагаться и как судья и как член партии. Вместе со своим секретарем Волковым Ромодановский устраивает систематические пьянки, как у себя на квартире, так и на квартире местного торговца Власова.

Судебные заседания открывались не ранее 2-х часов дня. Посетителей судья почти что совсем не принимал. Сдружившись с местными кулаками, торговцами, самогонщиком и офицером старой армии, Ромодановский разъезжал по праздникам к ним в гости, где напивался до бесчувствия.

Все это постепенно привело к тому, что нарсуд из органа пролетарской диктатуры превратился в орган связи с кулаками и торговцами.

Все эти безобразия проходили на глазах Лукинского ВИК'а и волкома партии, и последние никаких мер к устранению их не принимали, а наоборот, способствовали разложению суда и всячески укрывали от вышних органов власти.

По докладу ревизоров губсуда на заседании волкома партии было выяснено, что члены ВИК'а и волкома партии сами принимали активное участие в Ромодановских пьянках и валялись пьяными, на глазах всего населения.

Все эти безобразия и привели к тому, что грудное крестьянство Лукинской волости потеряло доверие к советской власти, считая власть не своей, а кулацкой. Да это и вполне понятно, поскольку секретарь волкома партии Кулаков сроднился и спился с местным кулаком, торговцем Хоревым, за что и был выгнан из партии. Лебедев, член ВИК'а, за покровительство кулаков и земельных магнатов также исключен из ВКП (б), остальные члены волкома и ВИК'а, которые участвовали в этих пьянках, также стоят на очереди исключения из ВКП (б).

Что постановил лукинский ВИК и волком по докладу губсуда?

Заслушав доклад члена губсуда об итогах ревизии нарсуда 5-го района, Вельегонского уезда, расширенный пленум Лукинского ВИК'а постановил:

Поручить президиуму ВИК'а заслушивать периодически отчетные доклады о работе нарсудьи в плановом порядке.

В то же время считать необходимым развернуть широкую отчетность нарсуда среди крестьянской массы как на пленумах сельсоветов, так и крестьянских собраниях, для чего поручить каждому сельсовету включить в свой план работ отчеты суда (о сроках и времени их постановки договориться с народным судьей).

Признать необходимым устройство показательного суда над разложившимся нарсудьей Ромодановским и секретарем Волковым и требовать сурового наказания за их злоупотребления по должности и халатное отношение к служебным обязанностям, о чем довести до сведения губсуда.

Выводы и результаты ревизии признать правильными и с таковыми согласиться и просить опубликовать их в печати.

Просить губ. РКП об обследовании состояния советских и кооперативных аппаратов губернии.

Решение губсуда.

Губсуд, заслушав доклад члена губсуда о результатах ревизии, нашел необходимым б. нарсудью Ромодановского и секретаря Волкова отдать под суд: за злоупотребление властью (по ст. 109 УК), за халатное отношение к служебным обязанностям (по ст. 111

УК), за дискредитирование власти (по ст. 113 УК), за неправосудность приговоров и решений суда (по ст. 114 УК), за растрату (по ст. 116 УК) и за взяточничество (по ст. 117 УК). Весь материал передан прокурору на расследование.

Создавшееся положение в нарсуде 5-го района, Весьегонского у., выдвигает перед губсудом необходимость усиления живого руководства и бдительного контроля над низовой судебной сетью.

Тверь, губсуд.

В. Кудряцев.

Звено в цепи.

(Законодательная техника).

«Основной недостаток нашего аппарата это или чертовское запаздывание в выполнении наших решений, или полное игнорирование этих решений, или извращение их классового содержания». (Из доклада С. Орджоникидзе на VIII съезде профсоюзов).

«Несмотря на то, что партия и правительство выносят массу прекрасных решений и пишут массу хороших декретов, они часто не проводятся в жизнь или же до безобразия извращаются» (тот же доклад).

Декреты центральной власти часто не выполняются или выполняются в извращенном, уродливом виде. Это—столь грозная опасность, что мимо нее не пройдешь равнодушно.

Сегодня же, сейчас же, следует учесть этот тревожный сигнал и приняться за устранение с нашего пути тех препятствий, которые мешают проведению в жизнь наших законов.

И вот здесь-то, прежде всего, нужно обратить внимание на одно совсем особое звено в общей цепи причин, влекущих отмеченные т. Орджоникидзе уродливые явления.

В издании законов есть сторона, которую принято считать второстепенной; это—техника законодательства. Сюда относится самое изложение законов (ясность, точность, понятность), стройность и последовательность законодательных актов по одному и тому же вопросу.

Именно здесь то, в этой «второстепенной» области законодательства, у нас дело обстоит из рук вон плохо.

Законы должны удовлетворять многим требованиям, но одно бесспорно: закон в советской стране должен быть написан понятным, точным и простым языком. Это—требование, исполнение коего абсолютно необходимо и законодателю рассчитывающему на определенные последствия издаваемого им закона, и тем учреждениям и должностным лицам, которые призваны быть проводниками нового закона, и, наконец, всему трудящемуся населению, которое в праве требовать ясности от закона, изданного для него и в его интересах.

Погрешить против этого правила, хотя бы в малой доле, это значит передоверить применение закона бюрократически настроенному аппарату, всегда и по природе своей имеющему склонность к «истолкованию» закона в совершенно неожиданном и для законодателя, и для населения и извращенном виде.

«Сколько голов—столько умов». А про бюрократов можно сказать: «сколько бюрократов—столько извращений». Поэтому погрешить против основного требования законодательной техники это значит дать простор не одному, а великому множеству бюрократических пре-

ломлений данной законодательством директивы центра.

А между тем, почти каждый вновь издаваемый закон не безупречен именно с точки зрения ясности и полноты его изложения.

В первой вступительной части закона мы обычно наталкиваемся на сакраментальную фразу: «во изменение тогда-то изданного постановления», или «в дополнение к такому-то декрету» (иногда это—лишнее подтверждение, что предыдущий закон был изложен неудовлетворительно). А в конце читаем: «инструкции по применению настоящего постановления издается...» далее название соответствующего ведомства.

Весь остальной текст нередко представляется туман, сквозь который с трудом пробивается мысль законодателя. И когда, после тяжелого умственного напряжения, вы схватите, наконец, эту мысль и изложите сами себе «своими словами»,—вы ахнете: да почему же прямо и ясно так не сказать? К чему облекать простую и здравую мысль в столь сложные и громоздкие формы?!

Тов. Сольц как-то назвал наш трудовой кодекс «пятикнижкой». Почему? Потому что небольшое по объему собрание законов, относящихся к условиям применения труда в советской стране—какая другая отрасль нашего строительства столь же важна и столь же нуждается в ясной регламентации?—обросло сотнями, если не тысячами, разъяснений и циркуляров, один другой отменяющий и один другому противоречащий.

Центр тяжести законодательства здесь незаметно перенесся на ведомственные приказы, подчас затемнившие соответствующие статьи Трудового кодекса до полного мрака; такой практике много способствует укрупнившаяся почему-то законодательная практика заканчивать чуть-ли не каждый закон обещанием издать к нему инструкцию.

И получается: с одной стороны, появился новый закон, который как-будто, в силу существующего порядка вхождения законов в силу, подлежит выполнению на местах немедленно со дня получения того номера «Известия ЦИК», в котором он, этот новый закон, опубликован, а с другой стороны,—нет, подождите, еще инструкция не издана. И начинаются разговоры, что, мол, закон еще не в законе, что это только общая директива, а вот будет издана инструкция—тогда уже посмотрим.

А как общее правило, ведомственные инструкции появляются через 6-7 месяцев после издания закона, а иногда и позже. Бывают даже случаи, когда эта инструкция и вовсе не издается. Чтобы далеко не ходить за примерами, укажем столь серьезный законодательный акт, как постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 5 ноября 1928 г. о командировках; закон этот призван положить конец всем тем недоуменным вопросам и спорам, которые породил прежний закон, а в особенности изданная к нему в свое время инструкция. В конце этого нового постановления—ссылка на «имеющую быть» изданную инструкцию. Однако, и сейчас таковая не издана, вот и получается та нелепость, что еще и теперь продолжает применяться та самая инструкция о командировках, которая была составлена к ныне уже отмененному закону, и которая самым фактом появления нового закона признана негодной.

Не лучше обстоит дело и с другими важнейшими отраслями советского права, хотя бы в сфере жилищных законов, имеющих животрепещущий интерес для трудящихся. Вот, скажем, закон о порядке пользова-

нии дополнительной площадью; закон был издан 2 декабря 1927 г., но уже 15 января 1928 г. НКЮ и НКВД издали циркуляр, «разъяснивший» закон в смысле отсрочки введения его в действие впредь до издания перечня должностей, дающих право на получение дополнительной площади. А перечень стал появляться на местах в ноябре—декабре 1928 г.

Тем временем в течение целого года продолжал действовать устаревший закон, уже несоответствовавший требованиям жизни.

Бывает, как мы уже говорили, еще хуже: это когда закон и вовсе не применяется, но по вине центра, а не мест. Так было с законом от 30 июня 1927 г. об отмене взимания ренты на землях, предоставленных транспорту. Закон этот предлагал СТО установить в связи с этой отменой новые ставки арендной платы. Вопрос имел самый жизненный интерес для огромного множества государственных предприятий, арендующих земли у местных органов НКПС под склады, под железные дороги, подъездные ветки, и т. д.

И что же? Прошло более 1½ лет. СТО ставок так и не удалось издать, а 9 сентября 1928 г. появился уже новый закон о порядке установления злоуполучных ставок арплат, отменивший намеченный предыдущим законом порядок. Сколько в связи с этой путаницей было пролито чернил в бюрократической переписке между ведомствами, сколько возникло никчемных, но неизбежных при законодательной путанице исковых споров—об этом знают наши арбитражные комиссии, призванные разбирать дела госпредприятий. А вот еще примерчик неуклюжести нашей техники в области законодательства: в августе 1927 г. было издано, наконец, долгожданное положение об акционерных обществах, хотя и повторяющее во многом чуждое нам зап.-европейское законодательство, но все же в некоторой степени приспособившее акцион. законодательство к советским условиям. Акционерные объединения в условиях советской практики это чаще всего не более как междоветовственный государственный трест, так как, по правильному замечанию тов. Орджоникидзе, опыт привлечения частного капитала в промышленность путем акционирования не удался.

Но тем больше оснований у законодателя яснее регламентировать взаимные отношения ведомств, учреждающих новое акционерное общество для эксплуатации того или иного государственного промышленного предприятия или даже ряда предприятий.

Один из спорных, возникающих при этом наиболее часто вопросов—это вопрос о способе оценки государственных предприятий, подвергающихся акционированию.

Учитывая это, новое положение об акц. о-вах в ст. 133, касаясь вопроса об оценке, обещает издание соответствующей междоветовственной инструкции. Но, увы, пошел уже второй год с момента издания закона, а обещанной инструкции нет и в помине...

Вообще наши канцелярии, ведающие законодательной техникой, как-будто, то ускоряют до головокружительной быстроты выпуск своей продукции, то скачкообразно замедляют темп.

Особенно продуктивной и «ускоренной» является ведомственная деятельность в области нормирования труда, отсюда и «пятиминутки», о котором мы упоминали выше.

И получается совсем по Кузьме Пруткову, утверждавшему, что «важен не Шекспир, а примечания к нему».

Первоначальный текст КЗоТ все больше и больше затмевается многочисленными разъяснениями. При этом, разъяснения пишутся таким языком и столь успешно, что сейчас же приходится вдогонку издавать новое разъяснение, а затем «дополнение к разъяснению», и т. д., что только оказывается на руку псевдо-комментаторам, расплодившимся сейчас, в чайник погреть руки, в несметном количестве. А в результате—сплошной туман, полный простор к разнообразнейшим толкованиям.

И получается, что на местах люди, настроенные самым добросовестным образом, ломают себе головы в бесплодных попытках правильно применить то или иное «положение», «инструкцию» или «разъяснение», а в конце-концов применяют неправильно.

Вот, скажем, столь ответственный в условиях усиленного строительства закон о рабочих, связанных с работами по строительству. Оказывается, что именно здесь, где казалось бы нужно было внести особую полную ясность, именно здесь царит густой туман. Извольте-ли видеть, есть три разновидности рабочих, соприкасающихся со строительством: сезонные, временные и строительные, и каждая из них подчиняется особому правовому режиму. И горе тому, предприятию, которое запутается в расставленных ему волчьих ямах, в канканах путаных законов и инструкций, изданных по поводу этих чисто-искусственных правовых категорий. А еще больше горя от этой путаницы сезоннику, совершенно уже неспособному ориентироваться в напущенном здесь тумане и не могущему отдать себе отчета о существе своих прав и обязанностей.

Ясности, стройности и устойчивости—вот чего не хватает нашей технике издания законов.

Впрочем, что уж тут говорить об устойчивости, если по нашему подсчету к положению о местных финансах за истекшие 1½ года было издано 38 различных дополнений и изменений, из коих каждое содержит в среднем новую редакцию 3-4 статей этого злоуполучного положения. И тот самый циркуляр ВСНХ Союза (о реализации нового положения о трестах) № 13 от 4 октября 1927 г., который упоминается в докладе т. Орджоникидзе, вскоре же после своего появления в свет потребовал уточнения и изменения, почему и был видоизменен циркуляром ВСНХ от 4 февраля 1928 г. за № 364.

Ошибочно думать, при этом, что отмечаемая нами текучесть и частая сменяемость законодательства всегда имеет своим источником необходимость приспособить директивы центра к усложняющимся (в связи с ростом хозяйственной жизни страны правоотношениям: к сожалению более частым фактором появления многочисленных «добавлений и разъяснений» являются редакционные дефекты первоначального узаконения или ведомственного распоряжения.

Особенно это применимо к деятельности ВСНХ по изданию циркуляров и приказов. Здесь ВСНХ проявляет просто лихорадочную энергию. Каждые две недели им выпускается достаточно компактный сборник всяких «разъяснений» и «дополнений», родившихся за истекшие 12 рабочих дней.

В каждом таком сборнике не менее 70—80 страниц убористого текста, заключающего в среднем 70 циркуляров и приказов.

«Могущий вместить—да вместит», но кто же, откровенно говоря, способен вместить, т. е. понять, запомнить и переварить весь этот материал?

Циркуляры ВСНХ это—еще не закон, это—всего лишь ведомственное распоряжение. Хорошо! Но дело-то

в том, что эти ведомственные распоряжения—циркуляры, разъяснения и инструкции—являются важнейшими источниками инструктирования местных, да и центральных, хозяйственных органов. Не будет преувеличением сказать, что ведомственные распоряжения ВСНХ это—тот канал, который должен быть проводником хозяйственной политики партии и соввласти.

Поэтому мы должны с особой требовательностью отнестись к методам осуществления ВСНХ этой важной отрасли его деятельности.

И дело не только в излишней плодовитости, хотя и сама по себе взятая эта плодовитость кажется достаточно подозрительной. Но главная беда в том, что бесчетное обилие циркуляров вызывается здесь стремлением объять необъятное, т.е. регламентировать каждый, даже малый шаг хозяйственника. Здесь мы наблюдаем необычно казуистический характер ведомственных распоряжений, сбивчивость терминологии, частую сменяемость распоряжений, противоречивость, и т. д., и т. д.,—словом все то, что в сумме дает бюрократический способ опеки гос. промышленности. А в результате этой циркулярной лавины и бумажной путаницы получаются такие курьезы, как, например, в случае с ревизионными комиссиями: 15 апреля 1927 г. ВСНХ РСФСР издал циркуляр об упразднении в трестах особых ревизионных комиссий. Однако, попутно возникает, конечно, вопрос о той системе контроля, которая призвана заменить собой осужденную к этому моменту форму обревизования трестов. Вопрос важный. Контроль окончательно упразднить никак нельзя.

Проникнутый, очевидно, той же мыслью, ВСНХ закатчивает свой циркуляр указанием, что «в отношении реорганизации контроля на местах надлежит руководствоваться циркуляром ВСНХ РСФСР № 20.903 от 2 апреля с. г.».

Очень хорошо. Но вот беда: оказывается такого циркуляра не существует в природе. Во всяком случае он нигде не опубликован.

А тем временем вопрос о системе внутреннего контроля на госпредприятиях остается открытым.

Нужного циркуляра не найдешь, зато хоть отбавляй ненужных, вредных, бюрократических. Взять хотя бы вопрос о приглашении иностранных специалистов, решенный партией и правительством в утвердительном смысле. Этот вопрос ВСНХ сумел загнать в тупик, почти в конец умертвив своими циркулярами № 779 от 21 мая 1927 г. и № 1.013 от 28 июля 1928 года действительную возможность приглашения иностранных специалистов уже одним тем, что хозяйственник, пожелавший привлечь инженера-иностранца, вынужден придерживаться при этом буквы типового «договора», в высшей степени неудачного, далекого от жизни. В частности, хозяйственник, лишенный возможности выслать приглашаемому даже малый аванс на поездку ранее регистрации договора в НКТ. Но для того, чтобы договор попал на регистрацию в НКТ, требуется подпись приглашаемого специалиста, утверждение договора ВСНХ и проч. хождения по мукам. На практике мы убедились (Государственное строительство Артемстрой), что для всей этой процедуры нужны месяцы. А намеченный к приглашению инженер будет вас эти месяцы ждать, пока вы раскатаетесь? Конечно же, нет. Если он представляет из себя какую-нибудь определенную величину в данной специальности, он безработным и у себя столь длительный срок не останется, а если он не обладает достаточным удельным весом, то кому он у нас нужен?

Подводим итог. Он короток: необходимо коренное улучшение нашей техники как в области законодательства, так и в области ведомственных распоряжений, так как нет никакого сомнения, что отмеченные нами «искажения передачи» действительной мысли и воли законодателя не мало способствуют созданию тех извращений, о которых говорил т. Орджоникидзе.

А. Шамкович.

Ростов-на Дону.

Страница практика.

Разновидность кабальных отношений—эксплоатация женщины в купачьем хозяйстве.

До сих пор судебной практике были известны случаи женитьбы хозяина на батрачке до минования сезонной надобности.

Но кроме брака на сезон еще чаще встречаются браки до первой беременности. Эти браки заключаются как прикрытие злостной эксплуатации, так как жена больше и лучше работает, чем просто батрачка. Кулак путем обмана получает сверхприбыль от старательного труда, а в придачу еще и жену.

Подобное закабаление и унижение женщины петеринно в нашей трудовой республике!

Для большей наглядности приведу два дела из практики нашего суда, разделенные промежутком в один-два месяца.

Гр-ка хут. Большого, М. Денисова, красивая молодая беднячка (несовершеннолетняя) выходит замуж за богатей.

Прожила фактической женой 10 месяцев, ожидала, когда муж ее милостиво согласится на регистрацию. На 4-м месяце беременности разошлась и муж ее выгоняет на все четыре стороны.

Суд присуждает ей компенсацию за вложенный труд в размере 160 руб. В семье было с нею 8 человек; имущества более чем на три тысячи рублей; ра-

ботала, по словам ответчика, добросовестно, и суд присудил ей столько, сколько добросовестные хозяева платят батрачке.

Таким образом, кулак получил все удовольствия и кроме того, усиленно эксплуатировал рабыню, ответственности же никакой. Он отвечает в пределах местных условий найма, иногда же он и на этом может сэкономить, например на спецодежде, ведь как ни бедна сноха, а у нее все-таки есть своя одежда, обувь.

Второе дело. Гр-ка Н. Ткаченко, хуторянка, тоже молодая бедная девушка, выходит замуж во двор, лишенный избирательных прав. Как же не соблазнить: двухэтажный дом в центре района, пекарня дает дохода 25 руб. в месяц и от квартиры—15 руб., свекор приторговывает скотиной, не оставляя земледелия; семья малая.

Глаза напрасно разгорелись. Прожила 8 месяцев: постоянные ссоры, преследования разлюбившего мужа, беременность—все это приводит делового свекора, учитывающего близкий развод и алименты, к мысли выделить молодоженов. Сельсовет зарегистрировал «добровольный» раздел, суд не усмотрел формальных нарушений в акте и выделил истине из общего с мужем хозяйства денежную компенсацию в 100 рублей. По 12 рублей в месяц со своей постелью, обувью, одеждой, надо бы еще с харчами! А до раздела имущества при 4-х членах семьи было тоже тысячи на три, с значительными нетрудовыми доходами. А затем преждевременные роды от плохой жизни и побоев мужа.

Выкидыш освободил и от алиментов. Совсем даром обошлись медовые месяцы.

Верхсуд в отчете за прошлый год перечисляет виды кабальных сделок в деревне, среди них браки на сезон, супругу и т. д. Полагаю, что и приводимые случаи, которые не являются единичными, заслуживают не меньшего внимания. Женщина попадает в злостную экономическую кабалу и терпит унижения и позор во всяком смысле.

Нарсуд местами под влиянием кампании, поднятой против измелывания двора и преждевременных разделов, взял курс без учета классовых отношений на защиту прав коренных членов от претензий пришлых, в ущерб интересам слабой стороны. Если до этого было много нареканий на щедрое наделение жепцин, пробывших малый срок во дворе, то теперь наблюдается как раз обратное явление.

Надо на эти факты обратить особое внимание и дать соответствующее разъяснение.

Во-время заметить слабое место на фронте борьбы с кабальными отношениями, разоблачить маскировку, под которой эксплуатируется труд и достоинство личности,—долг судебного практика. А женорганизациям нужно взять под обстрел кулака и одернуть его через своих взвездчиков-парзаседательниц. Нужно наконец покончить с женским бесправием, следы коего с особой циничностью проявляются в существовании браков до беременности, с которыми нужно бороться мерами уголовного порядка.

С. Проходящев.

Сл. Михайловка, Хоперск. окр.

Судебная пошлина по кассжалобам.

Из объявленной в № 35 «ЕСЮ» инструкции № 17 от 15 августа 1928 г. о порядке взимания судпошлин и особого канцелярского сбора (ст. 25) видно, что кассжалобы на решения судов «получают движение лишь при условии взносов жалобщиками всех причитающихся с них по указанному исчислению пошлин».

На первый взгляд это положение казалось бы не вызывает никаких возражений, как направленное в сторону охраны интересов государства; на практике же оно нередко порождает справедливые нарекания со стороны ответчиков, подающих кассжалобы на решения нарсудов по делам, где истец от уплаты судпошлины при подаче искового заявления был освобожден, а уплата судпошлины решением суда возложена на ответчика.

Нарекания эти имеют место исключительно в тех случаях, когда иск удовлетворен судом неправильно (а случаи эти, как известно, нередки), при чем ответчик-жалобщик уплачивает при подаче кассжалобы основную судпошлину, согласно ст. 35 ГПК, и сверх того 50% за кассжалобу. По рассмотрении же дела в кассинстанции нередко бывает, что обжалованное решение суда полностью отменяется, и новый состав суда, пересмотрев дело, в иске истцу отказывает; или же в других случаях происходит замена одного ответчика другим; или, наконец, бывают случаи, когда кассинстанция, за отсутствием права на иск, дело производством прекращает. Таким образом, несправедливость взыскания нарсудом основной судпошлины с ответчика по делу при подаче им кассжалобы на решение нарсуда в приведенных выше случаях является для каждого очевидной. Ведь нужно иметь в виду, что взыскания в этих случаях, помимо 50%, основная судпошлина жалобщику-ответчику уже не возвращается, так как возвращение это законом не предусмотрено. И дело фактически в указанных случаях сводится к тому, что вместо обычной уплаты 50% судпошлины за кассжалобу с ответчика взимается 150% основной судпошлины. Происходит это потому, что взыскание пошлины производится до вступления в законную силу решения суда, окончательная судьба которого еще неизвестна.

Нельзя не учитывать еще и тех случаев, когда ответчик-жалобщик бывает не в состоянии уплатить сразу 150% судпошлины по делу, и суд в принятии кассжалобы ему отказывает; отказывает в принятии и частной жалобы на непринятие кассационной—до

уплаты 150% судпошлины, что является по существу уже отказом в судебной защите вообще и противоречит циркуляру Верхсуда от 5 ноября 1923 г. за № 66.

Поэтому, во избежание справедливых нареканий ответчиков-жалобщиков по делам, где истец от уплаты судпошлины был освобожден, необходимо статью 25 инструкции соответственно изменить, или же дополнить примечанием о том, чтобы взысканная решением суда основная пошлина по делу с кассаторов-ответчиков взыскивалась бы лишь по вступлении обжалованного решения в законную силу.

Кузнецов.

г. Козьмодемьянск, Маробласти.

Отстранение от работы в связи с совершением уголовно-наказуемого деяния в кооперативной практике.

Казалось бы, в данном вопросе все должно быть ясно и категорично, так как имеется и прямая статья закона (пункт «д» ст. 47 КЗоТ^а), нормирующая подобное положение, и судебная практика по этому вопросу, и, наконец, разъяснения НКТ. Но это не совсем так, а по одному моменту (пожалуй, по одному из существенных) администрации (в данном случае большого кооперативного объединения с весьма растянутой и разбросанной сетью многих торговых единиц) часто приходится наталкиваться на ряд затруднений при разрешении на практике вопроса об отстранении от ответственного работника прилавка (завмага), при обнаруженной у него недостатке по товарной массе и кассовой наличности. Возможность быстро провести отстранение от руководства предприятием во избежание злоупотреблений в дальнейшем и комбинаций по сокрытию следов проступка законом и судебной практикой не представлена.

Пункт «д» статьи 47 КЗоТ^а говорит лишь о расторжении трудового договора и притом по двум основаниям: вследствие обвинительного приговора, вступившего в законную силу, и вследствие пребывания нанявшегося под стражей в течение более двух месяцев и целый ряд иных моментов, а в особенности первоначальных, как бы ускользает от нормирования. Практика же судебная в разных местах колеблется.

Возьмем наиболее типичный случай: у завмага большого кооперативного объединения при учете обнаружена крупная недостача по товарной массе. Составлен учетный акт и материалы учета переданы в центральную бухгалтерию для рассмотрения, проверки и оформления, чтобы затем поступить в ревизионную комиссию и по даче юрисконсультского заключения в правление, которое и разрешает вопрос о направлении дела суд-следственным властям. Положим, по акту учета через 7 дней последовало от завмага объяснение по поводу недостачи, в котором он приводит обычные в таких случаях и часто мало убедительные возражения и ссылки: на объективные условия, на возможную неточность учета, на малый процент естественной убыли, на малую скидку по завесу тары, на возможность хищения со стороны покупателей, на недостаточную квалификацию младших работников прилавка и проч. Допустимо ли в дальнейшем оставление в должности данного завмага и следует ли ждать окончания прохождения дела по соответствующим инстанциям? Мы категорически высказываемся за то, чтобы данное лицо было отстранено от руководства.

Каким способом это сделать и как на это реагирует закон? Вот тут-то и начинаются трудности...

По поводу применения п. «д» ст. 47 КЗоТ^а НКТ, как известно, дает следующие разъяснения: расторжение договора без участия РКК может быть проведено лишь по истечении 2 месяцев со дня ареста или отстранения по требованию суд-следственных властей, а также, конечно, по вступлении приговора в законную силу. Кроме того, наниматель без суд-следственных властей, но с согласия РКК, может отстранить служащего от работы, если он застигнут с поличным при совершении преступления или сознался в таковом. Таким образом последним разъяснением как бы презюмируется необходимость санкции РКК на от-

странение завмага в нашем примере с недостатчей, если не считать возможности расторжения договора по требованию профсоюза (49 ст. КЗоТ'а).

Прежде всего разрешим вопрос: целесообразно ли и не преждевременно ли при обнаружении недостатка, когда весь материал по таковой подлежит самому тщательному обследованию, входить с представлением в РКК, группком, местком, а тем более в правление союза—об увольнении данного руководителя предприятием. Мы отвечаем на это определенно отрицательно. РКК придется иметь дело лишь с тем предварительным материалом, суждение по которому при данном положении едва ли вообще уместно, раз дело будет направлено в следственные органы. Затем мы отчетливо рисуем себе то затруднительное положение, в которое могут быть поставлены конфликтные органы, да и правление союза, что мы и наблюдаем: боясь ущемить интересы трудящегося, который уверяет в своей невиновности, они не проявляют должной решительности.

В запасе есть один верный и испытанный способ реагировать на снятие с работы лица, у которого по торговому предприятию обнаружена недостача. Это прокурорский надзор или следственные органы. К сожалению, и на этом пути есть трудности. Первое—проходит относительно продолжительный и неизбежный по технике период, когда производство по недостатке еще подготавливается в самом аппарате (положим кооперативного объединения). Второе—наш следственный аппарат, надо прямо сказать, так еще мало эластичен, а в особенности на периферии, что проходит месяц, а то и другой, а ожидаемого отстранения от должности не производится.

Может ли правление кооперативного объединения, не ожидая разрешения вопроса следственными органами и РКК, отстранить завмага от занимаемой должности в связи с этим?

В практике кооперативной мы часто видим постановления об «увольнении» в связи с недостатком, нередко с добавлением «по согласованию» вопроса с профорганами, или с РКК. По существу только таким образом, конечно, и можно реагировать на действительность, так как оставлять на руководящей работе подозреваемого в крупной растрате по меньшей мере бесхозяйственно, ибо имеются примеры того, как, в случае оставления на прежней должности, при вторичном учете обнаруживается еще большая недостача. В одном мы не согласны: следует не «уволить» подозреваемого, а просто «отстранить» его от заведывания в связи с обнаруженной недостачей.

РКК, группкомы, профсоюзные органы (в особенности на периферии) не всегда соглашаются санкционировать снятие с должности, и конфликт, естественно, обостряется и затягивается. Но этого мало. Работник прилавка, дело которого находится в производстве нарследователя и уже продолжительное время, предъявляет иск в трудсессию или в нarsуде о восстановлении в должности, и представитель союза в заседании его поддерживает, так как нет санкции РКК на снятие или постановления нарследователя. Практика трудсесий и нarsудов в вопросе о приостановлении подобных исков производством по п. «д» 113 ст. ГПК также весьма колеблется. Если в некоторых районах РСФСР достаточно для этого представления справки следорганов о производстве уголовного дела против истца, то в других районах и между прочим в Белоруссии (Минская трудсессия) требует обязательного представления постановления нарследователя или РКК об отстранении.

Все это говорит за необходимость предоставления администрации кооперативных объединений (правлениям) права на отстранение при обнаруженной недостаче руководителя торговой единицы или перевода на иную работу, при чем дата отстранения должна быть числом, с которого нанIMATEль освобождается от уплаты содержания при последующем обвинительном приговоре в отношении данного лица.

Такой порядок ни в какой мере не может противоречить политике КЗоТ'а, так как вопрос ставится не о расторжении договора, а об отстранении, и в дальнейшем у трудящегося имеются все возможности для защиты своих прав, если он докажет свою неви-

новность. Это несомненно избавит нас от лишних конфликтов и дерганий руководителей объединений, которым приходится до разрешения дела в суде отстранять подозреваемых и по иным поводам, а именно по мотивам п.п. «в» и «г» 47 ст. КЗоТ'а (несоответствие и систематическое невыполнение обязанностей).

Смоленск.

М. Строев.

НОТ в органах юстиции.

Как уменьшить почтово-телеграфные расходы в судебных органах.

Работа по служебным почтово-телеграфным операциям в нашей прокуратуре (таковая работа почти всюду одинакова с нашей) заключается в следующем:

Изготовленная регистратурой для отправки корреспонденция сдается курьеру, который является с ней в бухгалтерию прокуратуры, где от лица, снабженного почтово-телеграфным авансом, получает соответствующую сумму денег на отправку корреспонденции, отправляется с ними на почту, покупает там марки, наклеивает их на пакеты и сдает почтовому сотруднику. На другой день после отправки корреспонденции регистратор дает в бухгалтерию сводную справку на количество отправленных пакетов и израсходованную на них сумму. От того же авансера получают деньги и на отправку телеграмм, в оправдание расхода на каковые получает почтово-телеграфную квитанцию.

Для получения средств на почтово-телеграфные расходы авансеру, по его заявлению, выписывается авансовая ассигновка, в которой он получает деньги из Госбанка.

По израсходовании полученного аванса, авансер составляет авансовый отчет и с приложением всех расходных документов представляет на утверждение распорядителя кредитов, которым представленный отчет и документы проверяются, а затем указанным порядком выписывается следующий почтовый аванс. Каждая ассигновка проводится по соответствующим книгам.

Таким образом, оперирование с почтово-телеграфными деньгами и оправдательными к ним документами проходит через 5 лиц (распределителя кредитов, бухгалтера, авансера, регистратора и курьера).

Вся работа всех этих лиц, работа по изготовлению ассигновок, проводке их по книгам, по собиранию и хранению документов и денег, по составлению и проверке авансовых отчетов и, надо сказать, работа, отрывающая не мало рабочего времени и энергии, совершенно отпадает в условиях применения нижеприводимого мною предложения.

Что же касается размера почтово-телеграфных расходов по нашей прокуратуре, то они выражаются в сумме не менее 200 рублей в месяц.

Если остановиться на средней сумме (160—170), то п.-телеграфные расходы по одной нашей прокуратуре определяются в размере свыше 2.000 руб. в год.

Если же к тому посчитать и оценить труд означенных выше пяти лиц, вызываемых производством такого расхода, и определить этот труд хотя бы в 20%. то приблизительная годовая стоимость этого выразится в сумме до 400—500 рублей.

Таким образом, почтово-телеграфные операции нашей прокуратуры при настоящей постановке дела обходятся государству в сумме до 2.500 рублей в год.

Этот расход совершенно отпадает, если ввести следующий способ отправки корреспонденции:

Вся корреспонденция прокуратуры должна считаться (да это есть и в действительности) государственной и отправляться исключительно с таковой надписью («Государственная») на пакетах и телеграммах. На каждом пакете, кроме того, в середине задней стороны его и на каждой телеграмме рядом с подписью должна ставиться мастичная печать: «Государственная почта прокуратуры ... края».

И в таком виде она должна беспрепятственно приниматься и отправляться по назначению всеми почтовыми учреждениями нашего Союза, без всякой оклейки почтовыми марками.

Этот способ сразу дает государству экономию всех сметных денег, ассигнуемых им на почтово-телеграфные расходы.

Такой способ я предлагаю ввести и не только для одной нашей прокуратуры, но для всех государственных учреждений во всесоюзном масштабе.

Тогда государство получит колоссальнейшую экономию в средствах, затрачиваемых ныне на почтово-телеграфные расходы всеми государственными учреждениями.

Экономия эта увеличится еще более, если иметь в виду, что с проведением моего предложения процентов на 50 отпадет для экспедиции изготовления государственных бумаг надобность в изготовлении знаков почтовой оплаты, уменьшится и работа почтово-телеграфных сотрудников, которые освободятся от излишней работы по принятию денег на оплату государственной корреспонденции.

Существующий же порядок пережил себя и сам грамоласно вызывает к его реорганизации и упрощению, к чему мы всячески и должны стремиться во всех частях и видах своей работы.

Самый легкий, простой и вполне доступный план я и решился представить.

Если в точности он почему-либо не окажется приемлемым, то, может быть, он послужит основой, каковой, для другой, более лучшей реорганизации, по реорганизации, постоянно вызывающейся требованием времени и экономией государственных средств и труда сотрудников.

П. Колесников.

Хроника

Пропаганда права под обстрелом советской общественности.

19 февраля с. г. в голубом зале МГСПС собрался в последний раз старый состав административно-правовых секций Московского и районных советов.

Объединенный пленум подвел итоги своей двухлетней деятельности обсуждением большого и серьезного вопроса о пропаганде советского права среди широких трудящихся масс г. Москвы. В обстоятельном докладе тов. Лейкин, от имени губсовещания по пропаганде права при Московском совете осветил основные вопросы, связанные с популяризацией советского законодательства. На целом ряде примеров докладчик указывал, как в результате познания советских законов трудящимися нарушаются права, предоставленные последним, и тем самым затрудняется решительная и своевременная борьба с извращениями революционной законности.

Пропаганда советского права в то же время является одним из боевых участков на фронте культурной революции, ибо без внедрения в сознание каждого трудящегося понимания и уважения к советскому праву, немислимо поднятие культурного уровня масс.

Деятельность губсовещания впервые ставится на обсуждаемой широкой советской общественности и, быть может, следствием этого является то обстоятельство, что работа, признанная авторитетными партийными и советскими органами большой политической важности работой, по существу носящей широкой массовый характер—не была на деле, как следует связана с широкими кругами общественности. Пропаганда права, в силу недостаточной связи с секциями советов и общественными организациями в лице профсоюзов и рабочих клубов, хотя и выросла по сравнению с прошлым годом, но все еще не получила достаточного развития. С момента организации губсовещания при Московском совете (с конца сентября пр. года) пропаганда права выразилась в проведении на различных рабочих и деревенских собраниях 1245 докладов и бесед на злободневные правовые темы (в частности об избирательном праве), 243 вечера вопросов и ответов, организовано 269 юридических кружков, в работу которых вовлечен актив нарзаседателей, секционеров и рабочих в количестве около 6.000 чел.

Для удовлетворения правовых запросов более подготовленного рабочего актива, пропущенного в прошлом году через первичные юридические кружки, образовано было 14 кружков повышенного типа и командировано около 200 ч. на правовой факультет воскрес-

ного университета при 1-м МГУ. Пропаганда советского права проводилась преимущественно судебными работниками, членами коллегии защитников и юридических консультантами госучреждений.

От имени бюро центральной секции выступил с докладом т. Герман, отметивший ряд недочетов в деятельности губсовещания, вызываемые, главным образом, слабой организационной постановкой работы, благодаря отсутствию связи с низовыми профорганизациями. Фабзавкомы этой работе не уделяют никакого внимания и с трудом организуемые юридические кружки на предприятиях работают с большими перебоями и нередко распадаются даже на таких крупных предприятиях, как Трехгорная м-ра.

Массовая работа также развернута крайне недостаточно и проводится не всегда квалифицированными и подготовленными лекторами. Наряду с этим губсовещание не располагает кадрами рабочих-пропагандистов из числа наиболее подготовленных членов секций, нарзаседателей и общественников, а довольствуется силами работников аппарата и коллегии защитников, благодаря чему правовая пропаганда идет нередко по казенным рельсам, по ведомственным планам, без общественного духа.

По заслушанным докладом развернулись оживленные прения. Выступавшие подвергли жесткой критике особенно деятельность профорганизаций. Ряд секционеров приводили многочисленные факты, свидетельствующие о том, что пропаганда права на предприятиях поставлена из рук вон плохо. Прикрепленный к ф-ке им. Ногина секционер только после двухмесячных непрерывных хождений в фабком, смог добиться уголка для выездной юридической консультации. До этого же прием и оказание юридической помощи работникам проводились почти на задворках. Если ранее приходили на консультацию 2—3 работника, то после выделения отдельного помещения посещаемость повысилась до 12—15 чел. И это вполне понятно, т. к. большинство рабочих со своими бытовыми делами и жалобами предпочитали ходить в отдаленные профсоюзные консультации, чем на виду у всех советоваться с консультантами о своих, подчас интимных, нуждах.

Приведенный этим товарищем пример относится к категории более или менее благоприятно разрешившихся. Зато в других случаях, и, пожалуй, в подавляющем большинстве их, несмотря на настойчивые домогательства членов секции и совещания по пропаганде права, эту работу не удается включить в жизнь предприятия. Фабзавкомы категорически отказываются ставить беседы и вечера вопросов и ответов на правовые темы, а также отчетные доклады суда и прокуратуры, заявляя, что данные вопросы не предусмотрены планом. Такие же формальные ответы получали от представителей завкомов и те товарищи, которые пытались организовать на предприятиях юридические кружки. Отказ в предоставлении помещения или же предоставлении таких негодных для работы помещений (напр., по соседству с кружком духового оркестра и т. д.), способствующие только распаду с трудом организуемой кружковой работой—явление, встречающееся сплошь и рядом. Органы профсоюзов смотрят на эту большую культурно-просветительную работу сквозь пальцы.

От критики линии, занимаемой в области пропаганды низовыми профорганизациями, выступавшие товарищи перешли к критике методов работы, проводимой совещаниями. Так, указывалось на неудовлетворительный состав пропагандистов, далеко не всегда умеющих подойти к массе и ее заинтересовать, преобладание в их составе членов коллегии защитников и в то же самое время полное отсутствие какого бы то ни было использования секционеров-общественников, прошедших двухгодичную подготовку в органах юстиции и тесно связанных с предприятиями. Губсовещание еще недостаточно привлекло к пропаганде права секцию, как передовой отряд в деле правового просвещения масс.

Серьезные возражения вызвала установка в работе юридических кружков. В большинстве случаев метод занятий в них носит отвлеченный характер и не удовлетворяет интересам слушателей. Если в прошлом

году, напр., на «Красной кузнице» юридический кружок вызвал среди рабочих громадный интерес и активно посещался, то в этом году кружок влачит жалкое существование. Элементарные вопросы права рабочие уже усвоили и потребовали более углубленных знаний, а вместо этого с ними проходится проплогонная жвачка. В кружках же повышенного типа правовые вопросы прорабатываются теоретически без практической установки, как будто цель юркружков—создать из слушателей юристов.

Большинство выступавших в прениях товарищей подчеркивали, что губсовещание, увлекшись кружковой работой, не развило как следует массовых видов пропаганды.

В принятой резолюции объединенный пленум административно-правовых секций признал необходимым, в первую очередь, для оживления пропаганды права включить ее в качестве органической части в общую систему массовой культурной работы, проводимой профсоюзными, рабочими клубами и политпросветами. Пленум признал необходимым больше внимания уделять массовой пропаганде, используя для этой цели все дополнительные виды работы, как-то: плакаты, стенгазеты, кино и т. д. В качестве первоочередной задачи, пленум выдвинул требование о подготовке новых кадров рабочих-пропагандистов из числа секционеров, нарзаседателей, общественных обвинителей, предварительно подготовив их для пропагандистской работы в кружках повышенного типа и на правовых факультетах воскресных университетов. Пленум дал также директиву губсовещанию об усилении живого руководства работой на местах, наладив постоянное инструктирование пропагандистов как в городе, так и в деревне.

Единоголосно постановлено также просить президиум Московского совета в ближайшем номере журнала «Советская работа» поместить все руководящие материалы по пропаганде советского права и снабдить этим изданием всех членов адм. правовых секций (центральной и районных) в качестве пособия для практической работы.

Наконец, объединенный пленум признал, что пропаганда советского права является важнейшей политической задачей, вокруг которой должно быть сосредоточено внимание не только органов юстиции, но и преимущественно общественных организаций, проводящих среди трудящихся массовую работу. Каждый член административно-правовой секции, где бы он ни был, где бы ни работал, должен быть организатором в деле пропаганды права, должен проявить свою инициативу, заинтересовать массу вопросами советского права, содействовать скорейшей ликвидации правовой безграмотности населения.

Только при активном содействии всей секции в целом, каждого секционера в отдельности, поставленные перед нами громадные задачи по поднятию культурного уровня трудящихся будут с успехом выполнены.

А. И.

Москва.

На местах.

Как административно-правовая секция Замоскворецкого совета на деле помогает прокуратуре.

К числу достижений в работе административно-правовой секции Замоскворецкого совета следует безусловно отнести довольно значительную практическую помощь, которая оказывается секцией аппарату и в частности прокуратуре. Выросший и воспитанный секцией из своего состава кадр общественных обвинителей, прошедший 182 выступления за период времени с июля 1927 г. по 1 января 1929 г., является, несомненно, серьезным показателем того, как по мере роста правовой грамотности секционеров, в большинстве своем рабочих, пришедших через совет в секцию

из предприятия, росла и крепла их связь и коллективная помощь прокуратуре.

Прошло всего полтора года и в активе прокуратуры налицо 32 человека общественников, выдержанных, стойких, теоретически подкованных, имеющих уже стаж общественных обвинителей, членов секции—сознательных помощников прокуратуры.

Не менее значительная помощь секции прокуратуре в области обследований жалоб, поступающих в прокуратуру. Из первоначального скромного опыта, из первых робких шагов в этом направлении—работа приняла большой размах и справедливо заняла значительное место во всей работе секции.

Таким образом, опыт, проведенный секцией в области расследования жалоб, поступающих в прокуратуру, обследования фактов, сообщаемых жалобниками, силами общественной организации, следует признать удачным. Обследования эти облегчают административным органам выполнение задачи обслуживания населения и борьбы с преступностью, бесхозяйственности и т. д.

Для того, чтобы справиться с этой работой, принявшей характер системы, секции пришлось создать отдельную группу обследователей, возложив руководство и инструктирование на отдельное специальное бюро этой группы. От мелких расследований по жалобам на жилищные склоки, дразни и т. п. секция перешла к ответственным расследованиям по жалобам на действия должностных лиц, домоуправлений, проверке жалоб лишенцев и т. д. В результате обследований члены секции выдвигают предложения о снятии того или иного работника или передаче его следственным органам, при чем свои предложения они делают на заседании бюро, работа которого вообще протекает при непосредственном участии прокурора. Членами секций было вскрыто много недостатков в механизме нашего аппарата.

Следует еще указать на систематическое присутствие члена бюро на вечерних приемах прокурора, где секционер непосредственно знакомится с характером жалоб от самих жалобщиков и определяет с прокурором необходимость их передачи в секцию для расследования, о чем тут же сообщается жалобнику. Наконец, самый факт присутствия члена общественной организации совета на приеме населения прокурором не в малой степени содействуют поднятию авторитета прокуратуры. Все вместе взятое несомненно свидетельствует о значительной по размерам и качеству работе, проводимой секцией в этом направлении.

Совершенно естественно, что в таком новом деле, впервые проводимом секцией, не обходится и без недостатков.

Недостаточно налажен в секции учет фактических результатов проведенных расследований.

Недостаточно инструктирование обследователей, что в большей степени затрудняет и усложняет их работу. Устранение этих недостатков, которое должно быть предметом работ секции в ближайшее время, позволит поднять еще выше качество обследований и облегчит работу секционеров. Наконец, существенным тормозом в работе прокуратуры в смысле ее приближения к населению и связи с секцией является, как это неоднократно отмечала секция, то обстоятельство, что аппарат прокуратуры еще до сих пор не перешел на вечерний прием хотя бы раз в неделю. Этот дефект тем более сейчас ощущается, что аппарат суда по пятницам работает вечером, а аппарат прокуратуры, работая в этот же день днем, не может быть с ним в достаточной степени связан, что несомненно отражается на населении. Вечерние же приемы прокуроров без аппарата не могут удовлетворять население. Эту неувязку, по нашему мнению, надлежало бы давно устранить, чтобы по примеру суда сделать еще один шаг по пути к наиболее удобному обслуживанию трудящегося населения.

Секретарь адм.-правовой секции Замоскворецкого района Н. Викторов.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

СОДЕРЖАНИЕ: Циркуляры НКЮ №№ 68 и 69.

Циркуляр № 68.

ВСЕМ КРАЕВЫМ, ОБЛАСТНЫМ, ГУБЕРНСКИМ И ОКРУЖНЫМ ПРОКУРОРАМ.

Копия: прокурорам автономных республик.

О надзоре за закономерностью проведения сельхозналога.

XVI Всесоюзная Конференция ВКП(б), развивая и уточняя тезисы ноябрьского пленума ЦК о революционной законности, как хозяйственной необходимости, дала в резолюции по докладу о путях под'ема сельского хозяйства и налоговом облегчении середняка основную установку, определяющую роль и значение прокурорского надзора за законностью; в текущей кампании по сельско-хозяйственному налогу конференция предъявила категорическое требование ко всем партийным и советским работникам, «чтобы при практическом проведении налога было обеспечено твердое соблюдение революционной законности и были исключены какие бы то ни было отклонения от действующего закона в сторону ухудшения положения налогоплательщика. Вопросы руководства практическим проведением единого сельско-хозяйственного налога всеми местными партийными и советскими органами должно быть уделено исключительное внимание, поскольку всякое нарушение революционной законности в этой области является особо вредным с точки зрения укрепления доверия крестьянства к советской власти и упрочения союза рабочего класса с основными массами крестьянства».

Такая установка в вопросе о роли революционной законности при практическом проведении сельско-хозяйственного налога возлагает исключительно ответственные задачи на орган надзора за законностью на прокуратуру. Указанная установка выдвигает надзор за закономерным взиманием налога на одно из первых мест в работе прокуратуры и требует осуществления надзора за всеми стадиями работы местных органов в этой области, начиная с издания местными исполкомами основных постановлений по проведению законодательных актов правительства и кончая случаями применения принудительных мер взыскания к неплательщикам.

Основной линией при проведении работы должна быть ее своевременность. Несвоевременное опротестовывание постановлений, медленность в рассмотрении и разрешении жалоб часто лишают всю надзорную работу практического значения.

Исходя из учета опыта работы прокурорского надзора за закономерностью проведения сельхозналога в прошлые кампании, предлагаю:

1) немедленно ознакомиться с постановлениями соответствующих краевых, областных, губернских и окружных исполнительных комитетов (СНК автономных республик), предусмотренными постановлением о едином сельско-хозяйственном налоге и в случаях нарушения постановлений ЦИК и СНК СССР от 20 февраля и СНК РСФСР от 16 и 22 марта и 6 и 10 апреля срочно сообщить в Прокуратуру Республики для опротестования в установленном порядке.

2) Особое внимание обратить на правильность и соответствие закону установления норм доходности и их устойчивость (ст.ст. 15 и 19 Положения), на воспреещение каких бы то ни было надбавок к налогу (ст. 11), на предельный размер заработной платы, включаемый в состав облагаемого дохода (ст. 25), на правильность установления процентных надбавок (ст. 27 Положения и ст.ст. 11—12 Закона РСФСР), на соблюдение установленного законом необлагаемого минимума и процента хозяйств, полностью освобождаемых от налога (ст.ст. 15—17 Закона РСФСР), на применение индивидуального обложения к «наиболее богатым кулацким хозяйствам» и на порядок проведения этого обложения (ст.ст. 28—31 Положения и законы 22 марта и 6 апреля), на недопущение переобложения середняцкого крестьянства (закон 10 апреля) и на полное освобождение от налога всей бедноты до начала исчисления налога (ст. 18 закона от 16 марта).

3) Организовать прием жалоб уже в начале кампании (учет объектов обложения) и обеспечить немедленное направление их на рассмотрение соответствующих палатовых комиссий либо финорганов, осуществив наблюдение за правильным и срочным их разрешением.

4) Использовать все методы прокурорской работы в деревне, установленные третьим прокурорским совещанием, для популяризации закона и своевременного выявления случаев неправильного применения закона, и, в особенности, искривления классовой линии, проводя выезды в деревню и организуя собеседования с деревенским активом и с группами бедноты, привлекая к этому актив нарзаседателей, необходимо при содействии местных финорганов, ревизионных комиссий и представителей советской общественности производить обследования налоговой работы в тех сельсоветах, риках и виках, на которые поступит большое количество жалоб.

5) При этой проверке обратить внимание на обложение кулацкой верхушки деревни и недопущение каких-либо изъятий из правил об индивидуальном обложении кулачества.

6) Неуклонно опротестовывать все случаи явного переобложения, непредоставления законных льгот, а также неправильного обложения штрафов за сокрытие источников доходов.

7) Привлекать к ответственности должностных лиц низового аппарата и финансовых органов за явные извращения и искривления в проведении налоговой политики в деревне, а также за непринятие мер к своевременному и полному поступлению налога.

Прокурор Республики Крыленко.
Член Коллегии НКЮ Нюрин.

21 мая 1929 г.

Циркуляр № 69.

КРАЕВЫМ, ОБЛАСТНЫМ И ГУБЕРНСКИМ ПРОКУРОРАМ.

Копия—прокурорам АССР.

О выполнении директив ВЦИК и СНК РСФСР от 26/III—1928 года.

Правительством предложено Народному Комиссариату Юстиции в сентябре 1929 г. отчитаться о выполнении директив ВЦИК и СНК РСФСР от 26/III—1928 года.

Значительная часть этих директив непосредственно касается работы органов прокурорского надзора и поднадзорных им органов расследования.

Для возможности представления исчерпывающего и полного отчета правительству, помимо данных о выполнении этих директив непосредственно центральным аппаратом Прокуратуры Республики, необходимы точные и конкретные данные о выполнении их на местах.

В виду этого предлагается:

1) не позднее 1 августа 1929 г. представить Прокуратуре Республики данные о выполнении вверенными Вам руководством органами прокурорского надзора директив Правительства от 26/III—28 г. («Е. С. Ю.» № 14—1928 года).

2) Указанные данные должны охватить период по июль 1929 года включительно, там же, где это, в силу тех или иных существенных причин, окажется невозможным или затруднительным, разрешается ограничиться данными включительно по июль 1929 года.

3) В докладе осветить:

а) конкретные мероприятия прокуратуры по проведению директив от 26/III—1928 г.;

б) конкретные результаты проведенных мероприятий;

в) какие из директив в жизнь не проведены или проведены не полностью;

г) какие причины препятствовали более удовлетворительному выполнению их и что намечено в дальнейшем для более полного проведения директив;

д) конкретные предложения о желательных изменениях действующего законодательства, касающихся борьбы с преступностью, постановки исправительно-трудового и следственного дела.

4) В частности, должны быть освещены следующие моменты:

А. В области предварительного расследования:

а) помимо данных о сроках предварительного расследования за 1 п. 1929 г. (по статистической таблице № 5), необходимо хотя бы за 2 квартал 1929 г. указать абсолютное число и процент таких следственных дел и дознаний, которые оканчиваются в сроки, ниже одного месяца (до 7 дней, до 2 недель, до 3 недель);

б) особое же внимание обратить на учет выполнения директивы Правительства о том, чтобы срок состояния обвиняемых под следствием по наименее сложным делам, в особенности в отношении трудовых элементов населения, не превышал, как общее правило, одной недели;

в) данные, которые позволили бы судить о выполнении директивы Правительства об устранении множественности допросов одного и того же лица органами дознания и следствия, об ограничении передачи дел от одного следователя к другому. Эти данные могут быть выявлены путем специального выборочного изучения следственных дел (примерно по 50 дел за 1928 г. и 1929 г., обратив при этом внимание на объем применения 109 ст. УК);

г) мероприятия, проведенные на месте в целях упрощения хода предварительного расследования;

д) анализ сравнительных данных об объеме применения лишения свободы в качестве меры пресечения, если об этом точных данных нет, ограничиться сравнительными данными о числе (и проценте) подследственных заключенных на 1 января 1928 г., 1 января 1929 г. и 1 июля 1929 года;

е) анализ сравнительных данных о прекращаемости следственных дел и дознаний;

ж) мероприятия по развертыванию следственной сети и усилению личного состава следственного аппарата более квалифицированными работниками;

з) соображения о работе различных органов дознания и о конкретных путях к организации работы органов расследования, таким образом, чтобы она полностью отвечала директивам правительства от 26/III—1928 года.

Б. По линии надзора за проведением директив Правительства о карательной политике.

а) число и иллюстрации наиболее характерных проступков прокуратуры на приговоры, нарушающие требования п. 1, 2 и 3 раздела «А» постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 26/III—1928 года;

б) анализ сравнительных данных о числе приговоров на краткие сроки (до 6 месяцев, до 1 года, свыше года) и о числе осужденных к лишению свободы, применительно к ц. НКЮ № 29—29 г. («Е. С. Ю.» № 13);

в) другие мероприятия прокуратуры по выправлению уголовно-судебной политики в соответствии с директивами Правительства (доклады на пленумах, изучение опре-

деленных категорий дел, число таких дел, результаты изучения);

г) мероприятия прокуратуры по организации товарищеских судов и примирительных камер и популяризации этих институтов среди масс. Результаты. (Насколько увеличилась сеть и др.);

В. По линии проведения директив Правительства в области исправительно-трудового дела.

а) конкретные мероприятия по организации принудительных работ;

б) результаты мероприятий. Достижения и недочеты в практическом применении и организации принудительных работ. Цифровые данные о реальности их (применительно к статистике по НКВД). Соображения о мерах, необходимых для дальнейшего развертывания их;

в) работа по надзору за выполнением директив Правительства (раздел Б п. 3) об упорядочении режима в местах заключения и улучшения качественного состава надзора. Результаты;

г) имеются ли какие-либо конкретные достижения в части выполнения директивы о расширении емкости трудовых, сельскохозяйственных, ремесленных и фабричных колоний;

д) мероприятия по усилению общественного контроля в наблюдательных комиссиях;

е) данные о разгрузке мест заключения (число заключенных на 1 января 1928 г., 1 января 1929 г. и 1 июля 1929 года) вообще, и от краткосрочных, в частности.

Г. По линии популяризации директив Правительства от 26/III—29 г., организации проверки их выполнения:

а) сделано докладов на собраниях трудящихся по указанным вопросам;

б) число докладов пред местными органами;

в) выступление в печати;

г) произведено специальных обследований;

д) возбуждено дисциплинарных и уголовных преследований за невыполнение директив Правительства.

5) Прокуратура Республики считает необходимым предупредить о недопустимости каких бы то ни было промедлений со сроком представления доклада.

6) Вместе с тем, Прокуратура Республики вновь напоминает о необходимости максимального усиления работы по выполнению директив Правительства от 26/III—1928 года, в течение ближайших же недель должен быть достигнут решительный перелом в работе тех районов, где с выполнением указанных директив обстоит малоудовлетворительно.

Вопрос о практическом проведении их тщательно обсудите на специальных совещаниях.

В частности, должны быть обсуждены и практически проработаны мероприятия по наиболее полному проведению в жизнь упомянутой выше директивы Правительства о максимальном сокращении сроков состояния обвиняемых под следствием и о непревышении недельного срока состояния под следствием обвиняемых по наименее сложным делам, особенно в отношении трудовых элементов населения.

Прокурор Республики Крыленко.

22 мая 1929 г.

К настоящему номеру «Еженедельника Советской Юстиции» приложение «Судебная Практика» № 10.

Издатель: { Юрическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Ответственный Редактор: Я. Бранденбургский.

Москва. Главлит А 36 844.

«Мосполиграф», 16-я типография, Трехпрудный, 9

14.500 экз.